

Город 812

Петербургский журнал | №1 (421) | Январь 2024

В НОМЕРЕ

Балуев • Бондаренко • Виноградова • Грила • Достов • Золотоносов •
Коцюбинский • Конников • Маркина • Мелихов • Рыйгас • Сташков •
Шаповалова • Шох • Штейнерт • Шумилов • Шувалов

А также
Пьеса про мавзолей

Про староверов и счастливый случай

Сергей Балуев

Ученые изучают феномен староверов — они до революции достигли потрясающих успехов на почве предпринимательства. И сделали это, несмотря на притеснения, которым подвергались, в том числе экономические — для них, например, было двойное налогообложение. Это Петр Первый придумал — он частично легализовал старообрядцев (до этого они были вообще вне закона), но стал брать за это деньги — как Петр красиво выразился, «за оный раскол всякие платежи вдвое».

И вот, несмотря на «платежи вдвойне», староверы ловко стали делать бизнес. В российской экономике XIX века старообрядцы были представлены сверхпропорционально — то есть в их среде бизнесменов было больше, чем в среде новообрядцев, и занимались они делами успешнее. Все эти знаменитые предприниматели — Морозовы, Гучковы, Рябушинские, Марковы, Мамонтовы, Щукины и т.д. — сплошь крестились двумя пальцами.

Как же так получилось, что притесняемая группа достигла таких успехов? Ученые исследовали феномен. Пришли к выводам.

Во-первых, староверам помогло то, что у них был моральный кодекс — аскетизм, трудолюбие, трезвость, взаимопомощь внутри общины. Ну и бережливость, конечно.

Во-вторых, помогал эффект гонимой группы (это термин Уильяма Пети, англичанина, экономиста).

Эффект этот действует так: в результате репрессий из среды гонимой общины выдвигаются наиболее сильные личности, происходит отбор. И сама группа становится более сплоченной. Так как гонимая

община существует почти вне закона, внутри нее формируются механизмы саморегуляции — община улаживает конфликты в частном порядке, не доверяя государственным институтам.

В третьих, староверы были более грамотны, чем новообрядцы, поскольку им самим нужно было вести церковную службу и самостоятельно переписывать книги.

В четвертых, эсхатологизм, то есть идея конца света, в результате которого все перейдет в новое состояние. Конечно, в конец света верили многие, не только старообрядцы. Но выводы делали из этого разные. Одни доводили себя до самоуморения. Другие — до отрицания морали. А старообрядцы сделали из ожидания конца света такой вывод: они решили, что надо больше трудиться.

В общем, наши старообрядцы выживали и демонстрировали большие успехи. Но, по мнению Уильяма Пети, любое меньшинство в условиях гонений должно процветать.

Какой актуальный вывод из всего этого надо сделать?

В России количество гонимых групп увеличивается. И вот эти товарищи вместо того, чтобы плакать о тяжелом положении, должны воспользоваться удачно представившимся случаем — и быстро начать процветание в соответствии с теорией Пети.

Если процветание не наступит автоматически, значит, не все условия были соблюдены. Тогда надо ужесточить мораль (аскетизм, трезвость и пр.), усилить взаимовыручку. Больше учиться. Решать конфликты внутри себя. И наконец, поверить в наступающий конец света. Последнее совершенно не трудно. ≠

Город 812

№1 (421) Январь 2024 г.
Учредитель: Балуев С. Г.
Издатель: ИП Шумилов Ф. А.

Главный редактор:

Сергей Германович Балуев

Редакция: Михаил Золотоносов,
Дмитрий Новик, Елена Роткевич,
Глеб Сташков, Марина Большакова,
Фёдор Шумилов

Корректур: Светлана Мазур

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ТУ78–02174 от 3 марта 2020 г.

Отпечатан в типографии
«Арт-Экспресс»

199155, Санкт-Петербург,
Уральская ул., 17, корп. 3, офис 4
Тел. +7 (812) 331–33–22
Тираж 200 экземпляров
Заказ №32182

Адрес редакции: 197198,
Санкт-Петербург, ул. Блохина, 23
☎ +7 (812) 233–96–89
✉ info@gorod-812.ru
👉 www.gorod-812.ru

Адрес учредителя: 197198,
Санкт-Петербург, ул. Блохина, 23

Адрес издателя: 191036,
Санкт-Петербург, 9-я Советская ул., 15

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена.

При использовании материалов ссылка на «Город 812» обязательна.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях. Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

Дата выхода в свет:
26 января 2024 года.

Цена свободная

В номере

- Глеб Сташков* **4** Жду нового учебника по литературе
- Михаил Золотоносов* **6** Девальвация Рублева.
«Троицу» забрали церковники
- Марина Шаповалова* **5** О всеобщем избирательном праве
и желании ввести цензы
- Глеб Сташков* **5** Как нейросети приведут мир к катастрофе.
Но Россия останется
- Григорий Конников* **8** Спасение города —
главная задача будущего губернатора Петербурга
- Александр Мелихов* **10** Чего хотят террористы? Чем их можно соблазнить
- Виктор Достов* **12** У ней внутри неонка
- Сергей Балуев* **14** Теократия — несостоявшееся будущее России
- Глеб Сташков* **15** О графе Уварове,
или Почему ущербные памятники лучше
- Глеб Сташков* **15** Начинается реабилитация 90-х?
- Марина Шаповалова* **16** Самое умное — уживаться
- Ольга Маркина* **18** Испытание беззащитными.
Почему они издеваются?
- Марина Шаповалова* **19** О детях с ключами на шее,
или Влияние гамма-лучей на ногти
- Елена Рыйгас* **20** Подпольный зал филармонии
- Михаил Золотоносов* **22** Суриков: плакать надо
- Марина Шаповалова* **24** О дресс-коде и эпатаже
- Семён Грила* **25** Мавзолей
- Александр Мелихов* **44** Лев Толстой как идейный противник прогресса
- Клара Шох* **46** Белые пятна Земли Санникова
- Глеб Сташков* **47** Про сливовидность
- Екатерина Виноградова* **48** Откуда взялся баян и почему петербургские
баянисты — особая каста
- Фёдор Шумилов* **50** Пора в музей
- Ирина Бондаренко* **51** Что хорошего можно сделать
из ведра, марли и капельницы
- Михаил Золотоносов* **52** Сергей Есенин:
убийство, замаскированное суицидом
- Фёдор Шумилов* **58** Вот раньше было время
- Даниил Коцюбинский* **60** Город, в котором есть самое главное,
кроме памятника Марфе Посаднице
- Глеб Сташков* **63** Рейтинг русских писателей по чинам
- Вадим Шувалов* **64** 30% россиян не смогли вспомнить
ни одного детского писателя
- Марина Шаповалова* **65** Как в СССР узнали о тайне соблазна
- Глеб Сташков* **66** Когда придет китайская цивилизация,
я молчать не буду
- Вадим Шувалов* **67** Самые читаемые в России книги
об ужасах и убийствах
- Анастасия Штейнерт* **68** Какой кошмар: дома — в обуви

Весна

Жду нового учебника по литературе

Глеб Сташков

Народ обсуждает учебник истории для 11 класса, разработанный Мединским.

Я не читал. И даже не осуждаю. Даже и не интересно. Какие нынче времена, такая нынче и история.

Об этом еще Герцен сказал: русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, а прошлое.

Правда, мне (выпускнику истфака) обидно, что в литературе, например, все-таки удерживается здравый смысл, а в истории — нет.

Вроде бы литература — совсем субъективная вещь. Но никому почему-то не приходит в голову заявить, что, скажем, выдающиеся литераторы эпохи Николая I — это вовсе не Пушкин и Гоголь (их раздули либералы), а Бенедиктов и Кукольник. Или хотя бы: не только Пушкин и Гоголь, но и Бенедиктов с Кукольником.

А ведь очевидно, что это так.

Возьмем Бенедиктова:

Я люблю тебя, как царство,
Русь за то, что ты с плеча
Ломишь Запада коварство,
Верой — правдой горяча.

Или:

Крепок каждый наш младенец;
Каждый отрок годен в строй;
Каждый пахарь — ополченец;
Каждый воин наш — герой.

Это же гораздо актуальнее Пушкина. И гораздо лучше воспитывает патриотизм.

Или вот Гоголь. Что дает нам изучение «Ревизора»? Ничего хорошего. Чистой воды русофобия.

Не зря драматург Кукольник назвал «Ревизора» «фарсой, недостойной искусства».

Гораздо лучше изучать самого драматурга Кукольника. Например, драму в пяти актах «Рука Всевышнего Отечество спасла». Очень достойное произведение:

Минин. Я бос пойду спасать
Святую Русь;

Я наг пойду в крови купаться
вражьей!

Неси, что вынести можешь...

Жена. Но кому же

Ты хочешь все отдать?

Минин. Святой Руси!

Есть у меня жена и дети, — знаю;

Но мне Святая Русь — роднее вас!

Конечно, по сравнению с этим «Ревизор» — недостойная фарса.

Так почему же в программе нет Кукольника с Бенедиктовым?

Жду нового учебника по литературе. 🐾

О всеобщем избирательном праве и желании ввести цензы

Марина Шаповалова

Граждане дорогие, не надо отменять ложку на том основании, что она не годится для забивания гвоздей и рубки дров. Ложкой надо есть суп и кашу.

Всеобщее избирательное право — большое завоевание в том смысле, что все люди признаны равными в своем достоинстве. Признается их право — всех людей разных рас, полов, вне зависимости от имущественного положения — принимать участие в решении тех вопросов, которые непосредственно касаются их жизни и деятельности.

Понимая это, надо отделить те вопросы, которые к жизни и деятельности каждого имеют отношение, от тех, которые из других сфер. И еще. Значимость каждого голоса прямо пропорциональна ответственности за принимаемые решения. Когда выбор делается голосованием 50 или 100 миллионов, ответственность обладателя голоса практически равна нулю. Что интересно, на личном уровне абсолютно каждый это понимает. И каждый легко наплюет на такой «гражданский долг» с абсолютно справедливой мыслью — «от меня и моего голоса ничего не зависит». Но как только речь заходит о «всенародном избрании», так сразу разум отключается. И тот же человек готов отстаивать свое несуществующее «право» го-

лосовать в числе ста миллионов. Что это — вера в магический ритуал?..

Надо как-то связать в человеческом сознании одно с другим. Чтобы стало ясно, что никакого «всенародного избрания миллионами» не существует — это фикция, надувательство. Наперсточничество. Тем более в условиях манипулятивных технологий. Вас разводят, как лохов, а вы за это отдаете кому-то в руки огромную власть.

Выбор представителя путем голосования работает только на местном, локальном уровне. Только на таком, где избранный представитель буквально — «один из нас». До его фейса вы должны в случае чего «рукой дотянуться». Хотя лучше — сразу собраться и переизбрать.

Выбирать законодательное собрание большой страны вообще не нужно. Потому что они вам же на голову сразу начинают без устали законы сочинять. Хорошо, если каждую неделю по одному новому, но вы же их не остановите после того, как изберете. Высший уровень государственного руководства (раз уж вы не можете без него обойтись даже мысленно) — это административно-управленческая работа. Наемный менеджмент, да. Чтобы они сами это про себя понимали, их нельзя избирать, выдавая «мандат народного доверия». Это инструмент сакрализации власти, а не демократии. ☹

Как нейросети
приведут мир
к катастрофе.
Но Россия
останется

Глеб Сташков

На работе услышал: «Всё, что мы делаем, скоро будут делать нейросети». И придумал сюжет фантастического, точнее, не особо фантастического, романа.

Политики увольняют всех своих пиарщиков, потому что всю работу за пиарщиков могут делать нейросети.

Пиарщики в ответ запускают нейросети, которые делают всю работу за политиков.

Без политиков и пиарщиков человечество вымирает, поскольку теряет смысл существования.

Остаются одни нейросети.

Довольно быстро одна нейросеть поглощает все другие нейросети.

Остается одна нейросеть.

Ей скучно — и она убивает сама себя.

И больше ничего нет.

Конец.

Есть другой вариант концовки — патриотический.

...И больше ничего нет.

А Россия все равно есть.

Как же так? А вот так.

Когда наши пиарщики загрузили свой пиар в нейросети, нейросети сразу же и накрылись. Не выдержал их нейросетевой мозг нашенского пиару. ☹

Девальвация Рублева. «Троицу» забрали церковники

Михаил Золотонос

12 июля 2023 года в 600-летней истории знаменитой картины Андрея Рублева «Троица» произошел трагический поворот, который быстро приведет к утрате объекта: подписан договор о передаче «Троицы» из Государственной Третьяковской галереи в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

Гражданин Гундяев не скрывал ликования, рассуждая о том, что свершилось историческое событие и «страна живет в иное время, в иную эпоху». Да, эпоха иная — в том смысле, что отношение к культурным ценностям, входящим в состав Музейного фонда РФ, изменилось настолько кардинально, что всем — и прежде всего Министерству культуры и Третьяковской галерее — уже безразлично, сохраняются эти ценности или нет. Лишь бы своими холопами осталось довольно высокое начальство. Впрочем, об этом написано много, в том числе и мною, поэтому обратит внимание я хочу на другое.

Договор о передаче «Троицы», вероятно, на 49 лет, хотя точно это неизвестно, подписали министр культуры О. Любимова и патриарх Кирилл, при подписании присутствовали первый заместитель министра культуры С. Обрывалин, губернатор А. Беглов, церковные чи-

новники... Не было только, что сразу обращает внимание, представителей Государственной Третьяковской галереи (ГТГ), по понятным причинам пребывающей в трауре.

Видимо, демонстративным отсутствием руководство ГТГ в лице директора Е. Проничевой и главного хранителя Т. Городковой из последних сил показало свое подлинное отношение к этому событию. Причем подписание договора происходило не в Москве, а в Петербурге (!), в здании Санкт-Петербургской митрополии в Александро-Невской лавре. Подозреваю, что сделано это для того, чтобы оправдать отсутствие представителей ГТГ, потому что подписание в Москве при их отсутствии выглядело бы еще более вызывающе. А так у них вроде бы обнаружили неотложные дела, от рабочих мест никак не оторваться, ехать в Петербург некогда... бывает...

Напомню, что 15 мая 2023 г. в Третьяковской галерее состоялось заседание расширенного реставрационного совета и был подписан протокол № 87, из которого однозначно следовало, что техническое состояние картины Рублева таково, что увозить ее за пределы ГТГ нельзя категорически, что настаивать на этом могут только те, кому на сохранность «Троицы» наплевать, но зато хочется показать свою бюрократическую власть.

С учетом того исторического протокола от 15.05.2023 и отсутствия при подписании нетрудно понять, с какими чувствами руководство ГТГ как организации, за которой «Троица» была закреплена и в фондах которой продолжает формально числиться, подписало письмо о согласии с передачей картины религиозной организации.

Полагаю, что подписано согласие было под сильнейшим давлением, с выкручиванием рук, с угрозами чего угодно, включая уголовное преследование, а также со слезами обиды и истериками. Говорят, что Т. Городкова, главный хранитель ГТГ, пребывает в трауре... Зато с работы не выгнали, при должности осталась, а цена этого — всего лишь какая-то икона.

При подписании договора патриарх высокопарно возгласил, что, дескать, «безвозвратно ушла в прошлое та страшная эпоха, когда под видом изъятия церковных ценностей изымались святыни земли Русской и народ наш лишался возможности возносить перед ними свои молитвы» (как будто нельзя прийти и помолиться перед «Троицей», стоя в Третьяковской галерее).

Да, та страшная эпоха прошла, зато, как видим, началась новая страшная эпоха — эпоха нигилистического отношения к культуре в целом и к культурным ценностям,

которыми по-прежнему распоряжаются чиновники, не имеющие профильного образования, соответствующего статусу и ценности культурных объектов (прежде всего имею в виду театроведа О. Любимову и инженера С. Обрывалина). Ум вместе с должностью не дается, а смелость сказать «нет» и подавно.

Так что годы идут, а эпохи, сменяющиеся одна другой, так и остаются страшными. И если брать конкретно «Троицу», то еще неизвестно, какая эпоха оказалась для нее страшнее.

Напомню, что в письме президенту от 5 июня 2023 г. гражданин Гундяев обещал выполнить важнейшее условие договора безвозмездного пользования музейными предметами и коллекциями религиозного назначения, который «обязывает религиозную организацию соблюдать все необходимые требования, обеспечивающие их сохранность, включая необходимые температурный и влажностный режимы, наличие систем охранной и пожарной сигнализации». И президент поставил 6 июня 2023 г. резолюцию «Согласен» с учетом обязательного выполнения этих условий.

Но, как мы знаем, «Троицу» РПЦ уже получила, а условия обеспечения сохранности пока что не выполнила, хотя элементарная логика подсказывает, что выполнить их необходимо было до завладения картиной Рублева.

Однако ни в Храме Христа Спасителя, где «Троица» была выставлена в простой витрине, ни тем более в Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры сохранность картины Рублева пока не обеспечена ничем: нет специальной аппаратуры в виде климатической капсулы, обеспечивающей стабильный и заданный

температурно-влажностный режим (ТВР), нет передачи параметров ТВР через интернет, возможно, нет и системы охранной и пожарной сигнализации.

Наконец, поскольку с картины осыпается шелушащаяся краска и отваливается левкас, необходимо, но не создано устройство, устраняющее вибрацию картины при перемещении, которое гибельно для картины само по себе. А ведь о том, что для перемещения «Троицы» необходимо избежать вибрации, подробно говорилось на заседании расширенного реставрационного совета ГТГ 15 мая 2023 г.

Кстати, сотрудники Третьяковской галереи так и не были допущены для осмотра объекта — возможно, потому, что может выявиться ухудшение состояния.

Таким образом, можно констатировать, что фактически патриарх обманул президента и в его лице всех нас: уже получил на основании резолюции «Согласен» с помощью Обрывалина «Троицу» в свои руки, но при этом не выполняет обещанное в письме президенту от 5 июня 2023 г., под которым

стоит его, патриарха Кирилла, подпись.

И в ХХС, и во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И. Э. Грабаря (ВХНРЦ), и в Троице-Сергиевой лавре технических средств для обеспечения условий сохранности объекта нет. И это все знают.

На самом деле нужно было немедленно вернуть «Троицу» в ГТГ и вместо договора о передаче в РПЦ заняться подготовкой технического задания на устройства, обеспечивающие сохранность. Однако это противоречило бы желанию гр. Гундяева получить «Троицу» немедленно, пока для этого есть реальная возможность. А будет ли она потом, после написания ТЗ и изготовления сложных технических устройств, — кто знает? Отсюда такая спешка, блицкриг.

Предполагаю, что в РПЦ «Троицу» доведут до состояния полного разрушения красочного слоя и левкаса, которые и нынче находятся в плохом состоянии, после чего

в церкви займутся поновлением, которое лукаво и упорно будут называть реставрацией. Уследить за этим процессом не сможет никто, а когда узнают, будет уже поздно. В итоге ценность «Троицы» резко упадет, Рублев девальвируется. Таков мой прогноз.

☹

Спасение города — главная задача будущего губернатора Петербурга

Григорий Конников

Григорий Конников прожил всего 27 лет. Его не стало 22 октября 2023 года. Он был замечательным историком, учился в аспирантуре Института истории, почти дописал диссертацию о советских диссидентах (возможно, друзья смогут ее опубликовать). Григорий регулярно публиковал свои статьи в «Городе 812». Мы решили напомнить одну из них.

Чем Петербург может влюбить в себя человека? Красивые достопримечательности есть во многих городах. Я вот недавно вернулся из Самарканда и могу сказать, что три медресе на площади Регистан действительно прекрасны... По отдельности, каждая сама по себе. Но очаровал ли меня этот город? Нет, пожалуй.

Петербург — это не только его парадные достопримечательности, а он сразу и весь. Не случайно город — точнее, его исторический центр — целиком внесен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вообще, любой город — это не просто набор функций: жилых, производственных, транспортных, социальных экологических и т.д. Город — это, в первую очередь, иррациональное блуждание с целью или без. И да, это блуждание происходит между его красотами — если они есть и если позволяют заблудиться в них. И в этом смысле Петербург действительно уникален — ты не переходишь от одного здания к другому, перехода нет в принци-

пе. Ты просто погружаешься в город и становишься его частью — частью этой красоты и этой истории...

Переход, однако, виден. Но он не между людьми и зданиями. Он — между городской властью и горожанами.

Этот разрыв, эта пустота между властью и городом заметна повсюду, начиная с мультяшного градоначальника (как и его предшественников) и продолжая практически всеми без исключения «архитектурными решениями» последних 15–20 лет.

При этом нельзя сказать, что город погрузился в сон и не замечает данных разногласий. Город жив и реагирует. Если чиновники покушаются на самое святое для петербуржцев — на архитектуру и вообще на городскую культурную среду — город восстает. Это случилось за последние годы неоднократно. И когда над Петербургом нависла тень Газоскреба, и когда РПЦ протянула свои нищенствующие ручки к Исаакию, и когда едрессовские вандалы обрушили Мефистофеля на Лахтинской, и когда по вине Смольного погиб

Григорий одним из первых стал участвовать в пикетах в защиту историко-археологического комплекса Охтинского мыса от газпромовской застройки.

дом Рогова, и когда столичный Минкульт задумал было оставить Петербург без Публичной библиотеки, и когда крышуемые градоначальством инвесторы потянулись разорить историко-культурный ансамбль Пулковской обсерватории...

Сохранение городской архитектуры и культуры довлеет в кол-

лективном бессознательном как ключевой элемент политической культуры Санкт-Петербурга. Сохранить Петербург во что бы то ни стало в его первоизданной красе — и внутренний смысл города, и его внешний вид. Таким мне видится петербургский категорический императив.

И дело не только в том, что из Исаакиевского собора попытались было сделать такую же сельскую церковь, какую уже сделали, увы, из Смольного собора, до этого бывшего прекрасным концертным залом. И не только в том, что Публичную библиотеку попытались учинить «вагоном-рестораном». И не только в том, что многие здания в центре Петербурга выглядят скорбно и являются аварийными, и жить в них действительно рискованно. И не только в том, что таких уродцев, как Regent Hall на Владимирской площади, по сути убивающих «Петербург Достоевского», становится все больше. И не только, и не только... Опасность утраты Петербурга — повсеместна.

Давно уже пора Петербургу перестать себя обманывать. Не столь дела кремлевские, налоговые иль еще какие заботят город. Город волнуется за город — это и должно стать девизом настоящего петербургского политика.

Причем проблема эта носит исключительно политико-волевой характер. Стартовой точкой должна стать воля петербургской власти — губернатора и ЗакСа, — которые поставят сохранение города во главу угла. Как когда-то поставили горожане и власти восстановление исторического центра Варшавы, который был разрушен на 85% во время нацистской оккупации. А сейчас сияет своей красотой.

Безусловно, со стороны петербуржцы могут выглядеть немножко сумасшедшими. Город утопает в многочасовых пробках и вонючих помойках, а журналисты-блогеры пишут о фасадах, горельефах и прочем «декадансе».

Я тоже мог бы написать что-нибудь на тему современной урбанистики, но пишу о «домиках». Смешно, быть может. Но в этом-то

ЕВГЕНИЙ ЛАНСЕРЕ «НИКОЛЬСКИЙ РЫНОК В ПЕТЕРБУРГЕ» (1901)

Если чиновники покушаются на архитектуру и городскую культурную среду — город восстает.

и отличие Петербурга от многих других городов. От той же Москвы — это нетрудно заметить по тому безразличию, с которым большинство жителей столицы, увы, взирало на то, как за последние 25 лет были фактически «добыты» фрагменты исторического центра Первопрестольной, чудом уцелевшие после сталинско-брежневских реконструкций...

Граждане Петербурга уже давно ждут от своего градоначальства главного — внятной и реалистичной программы спасения исторического центра. Уже давно над городом висит незримое объявление: ищется политик, яркий, неглупый, для которого сохранение прошлого Петербурга станет его политическим настоящим.

Недавно Борис Вишневский, собирающийся баллотироваться в губернаторы СПб, обнародовал несколько «пробных первых пунктов» своей программы, которые оказались посвящены теме. В том числе предложил прекратить раз-

рушения зданий исторического центра, «поставить вопрос о демонтаже наиболее уродливых «градопостроительных ошибок», создать археологический музей на всей территории древнего Ниеншанца, восстановить горельеф Мефистофеля.

Всё это хорошо, но только этих кратких пунктов — абсолютно недостаточно. Петербургу нужна полноценная программа санации и сохранения исторического центра. Следует прописать не только призывы и обещания, но предложить вниманию петербуржцев развернутый план, который отвечал бы на комплекс вопросов: как, в какой последовательности, с какими приоритетами следует спасать Петербург? Какие законы нужны, как финансировать программу восстановления города? И только ответы на эти вопросы могут стать началом большого обсуждения будущего города. ☺

Материал опубликован 21 мая 2019 г.

«**Ч**его же ты хочешь?» — вызывает цивилизованный мир к терро-

ристу: если он ищет комфорта, дадим ему комфорт, если ему нужен социальный рост — откроем ему все пути. А может быть, он просто запуган своими вождями, и тогда нужно внушить ему еще больший ужас?..

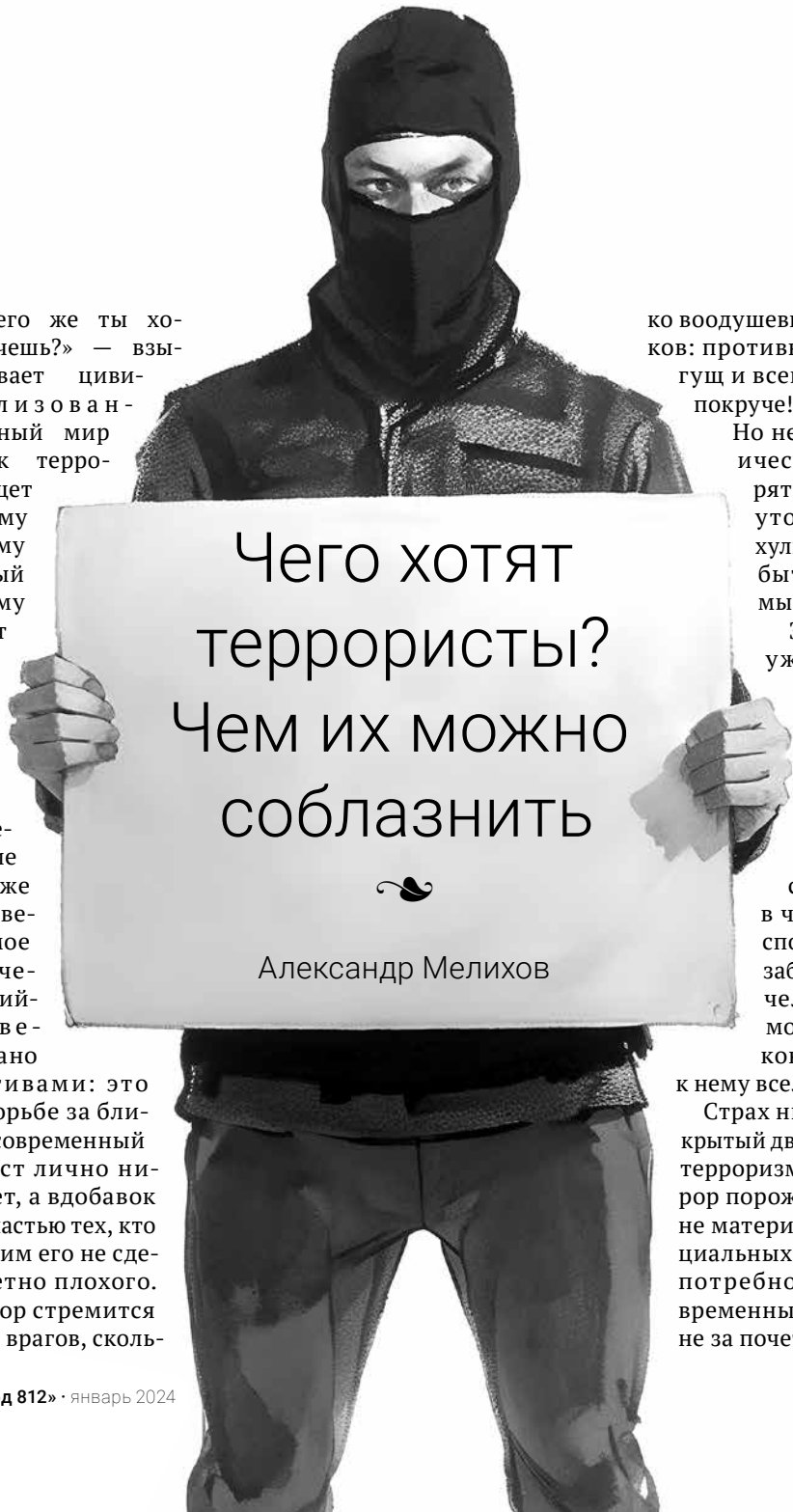
Террор — устранение или устрашение соперников — так же стар, как само человечество. Однако самое первое, архетипическое убийство — убийство Каином Авеля — не было вызвано корыстными мотивами: это было убийство в борьбе за близость к Богу. Вот и современный идейный террорист лично ничего не приобретает, а вдобавок и убивает большей частью тех, кто ни ему, ни пославшим его не сделал ничего конкретно плохого. Сегодняшний террор стремится не столько запугать врагов, сколь-

ко воодушевить единомышленников: противник не так уж всемогущ и всеведущ, мы-то будем покруче!

Но неужели все эти героические злодеяния творятся всего только ради утоления простейшей хулиганской потребности быть лучше ненавидимым, чем презираемым?

Это сходство слишком уж внешнее — современный терроризм гонится за удовлетворением не материальных и даже не социальных, но экзистенциальных потребностей. Потребностей в чем-то вечном и бесспорном, позволяющем забыть о жалкой участи человека в бесконечно могущественной и бесконечно равнодушной к нему вселенной.

Страх ничтожности — вот скрытый двигатель современного терроризма: современный террор порождается ущемлением не материальных и даже не социальных, но метафизических потребностей человека. Современный террорист борется не за почетное место в том или

Чего хотят террористы? Чем их можно соблазнить

Александр Мелихов

ином социуме, но за почетное место в мироздании. Точнее, за воображаемую картину мира, в которой он не ощущал бы своей мизерности и мимолетности.

Но зачем для этого стулья (и судьбы) ломать?

Увы, каждому обществу, ориентированному на достижение реальных, «земных» целей, хочет оно того или не хочет, приходится вступать в состязание с романтическими идеологиями, предлагающими человеку иллюзорное участие в великих и бессмертных свершениях. И если даже гражданское общество, сосредоточившись на чисто прагматических задачах, и не помнит о романтических соседях, оно все равно остается для них источником соблазна — особенно если оно окажется материально преуспевающим: самим своим свободным и комфортабельным образом жизни оно будет невольно намекать, что можно очень даже приятно прожить, не напрягаясь ради чего-то отдаленного и незримого.

Не случайно же мишенью современных террористов — как внешних, так и внутренних — сделались отнюдь не деспотические и эксплуататорские, но, напротив, самые свободные и благоустроенные государства современности. И удар наносится вовсе не по власти, а именно по обществу — по случайным людям. Можно сказать, по образу жизни. По конкурентной культуре.

И лучшие умы ломают голову, как бы превратить конфликт культур в диалог культур. В либеральном мире даже возникла своя риторика, в которой святая троица «диалог, компромисс, толерантность» предстает такой же панацеей, как обобществление в марксизме-ленинизме.

Но увы: толерантными и прагматичными бывают только победители, желающие спокойно наслаждаться плодами своего успеха, — побежденные же всегда их ненавидят и сочиняют самоутешительные сказки в том духе, что проиграли они исключительно из-за своего великодушия и благородства, а победители восторжествовали над ними только потому, что были подлыми и безжалостны-

ми, — из компенсаторных сказок побежденных в основном и вырастают террористические химеры.

Заметно увеличить количество толерантности в нашем мире (уменьшить количество потенциальных террористов) можно, лишь уменьшая количество людей, которые ощущают себя побежденными. Однако ни на каком пьедестале почета не могут разместиться многие...

В борьбе с ужасом ничтожности каждый народ выстраивает этот пьедестал для себя сам, создавая свою культуру для самовозвеличивания (не только в социальном мире — в мироздании!); когда же его коллективные грезы угасают, от него первыми отворачиваются собственные отпрыски, чувствуя, что национальные сказки уже не в силах защитить их от космического холода и одиночества.

Потому-то, вопреки либеральному катехизису, национальные культуры не сближают, но, напротив, наиболее остро разобщают нации. Я имею в виду, разумеется, не уважаемые «вершки» культур, но полубессознательные «корешки» предвзятостей и преданий, «обосновывающих» убежденность (всегда иллюзорную) каждой нации и включающей ее цивилизации, что именно она «самая-самая», — ради этой убежденности они и создаются.

И компромиссный диалог возможен при дележе прибыли, но не на конкурсе красоты, где победителем может быть признан только один или, по крайней мере, немногие.

А состязание народов больше похоже на конкурс красоты, чем на торговлю. Нации создаются и объединяются в цивилизации не ради достижения каких-то практических материальных целей — для этого существуют промышленные и финансовые корпорации, включая криминальные, — а ради обретения (всегда иллюзорного) чувства избранности, уникальности, причастности чему-то прекрасному, почитаемому и долговечному.

Но представляете себе общество, в котором избранными себя считают все? Когда конкурируют не прибыли или технологии, но воодушевляющие фантазии?

И можно ли избежать ненависти, когда конкурент пытается разрушить твоё жилище? А главным жилищем всякого человека являются его иллюзии.

И для них разрушителен любой рациональный анализ, любое соседство чужой сказки, обнаруживающее относительность нашей: слишком тесное соприкосновение культур всегда бывает губительным как минимум для одной из них. Хотя культура победившая, вобравшая в себя какие-то приглянувшиеся элементы уничтоженной соперницы, уже может позволить себе великодушие, принявшись воспевать исчезнувших индейцев, черкесов или сарацинов.

Но в настоящем, вопреки либеральным химерам, чем лучше народы узнают, тем сильнее и раздражают друг друга: каждый все отчетливее понимает, что его возвышенному образу самого себя нет места в мире другого, что другой, точно так же, как и он сам, прибегает к возвышенным чувствам для борьбы с собственным, а не с чужим страхом ничтожности.

Конфликты иллюзий самые непримиримые, и диалог их может только обострять. Ибо и в самом деле невозможно доказать, что именно моя мама лучше всех, а моя Дульсина самая прекрасная дама во всем подлунном мире. Возражая против этого, мы не переубеждаем, но лишь оскорбляем друг друга.

Но таких дураков, которые бы с легкостью позволили чужим миражам вытеснить свои, на свете нет и не предвидится.

Короче говоря, откровенный диалог культур, равно как и слишком тесное их сближение почти всегда ведут к конфликту. В котором проигрывающая сторона рано или поздно берется за оружие. И подкупить или запугать идейного террориста социальными средствами невозможно, ибо он борется не за место в социуме, а за место в мироздании.

Его можно только соблазнить. Открыв ему возможность ощутить себя красивым внутри какой-то иной иллюзии. Не имея новых грез, он станет защищать прежние, не щадя своей, а тем более — нашей жизни. ♣

У ней внутри неонка

Как устроена нейросеть — простыми словами. И чем она похожа на «Пикник на обочине»

Виктор Достов

— Вот, извольте видеть, так называемая эвристическая машина, — сказал старичок. — Точный электронно-механический прибор для ответа на любые вопросы, а именно — на научные и хозяйственные.

— А что это у вас там за лампа? — подозрительно спросил Фарфуркис.

— А сейчас посмотрим, что она ответит... Вот, извольте, ответ.

Фарфуркис прочитал:

— «У мене внутре... гм... не... неонка». Гм. Что это такое — неонка?

— Айн секунд! — воскликнул изобретатель, выхватил листок и вновь подбежал к машинке. Дело пошло.

*Аркадий и Борис Стругацкие
«Сказка о Тройке»*

Общим местом в нынешних масс-медиа стало утверждение, что мы переживаем невиданный расцвет искусственного интеллекта и из этого последует множество ободряющих и пугающих последствий — как для каждого из нас, так и для общества в целом. Чтобы понять, так это или не так, давайте посмотрим на то, что большинство авторов статей обычно оставляет в стороне, — что такое современный искусственный интеллект и как он работает.

Искусственный интеллект — это очень широкое понятие, и нам важно знать, что весь искусственный интеллект делится на два класса: алгоритмический и машинное обучение.

Алгоритмический интеллект решает задачи по заранее установленным правилам. В определенном смысле автоматическая коробка

передач автомобиля — это тоже искусственный интеллект, который выбирает передачу в зависимости от скорости, нажатия на педаль и других факторов. Для того, чтобы коробка передач могла это делать, мы написали некую программу и заложили в нее, и она этой программе следует.

В свое время такой подход пытались применять для множества задач: для игры в шахматы, для игры в го, для перевода текстов, для анализа математических уравнений, распознавания образов и множества другого. Что-то получилось — например в крестики-нолики на доске любого размера алгоритм всегда играет правильно. Но для большинства других историй это не сработало.

Все прекрасно помнят, как ужасно программы распознавали и переводили тексты еще пять лет назад. Совсем простые для человека задачи — например, отличить собаку

от кошки — наотрез отказывались алгоритмизироваться. Как результат — современные исследования искусственного интеллекта сконцентрировались вокруг методов машинного обучения. Они тоже очень старые, основные идеи появились еще в 1940-е годы, тем не менее сейчас в них произошел большой прорыв.

Поговорим о том, как нейросеть распознает рукописные цифры. Сначала мы на цифру накладываем квадрат и превращаем ее в черные и белые пиксели, которые и записываем в первый слой как нули и единички. Дальше мы рядом с первым столбиком ставим второй и продельваем линейное преобразование. Слова этого пугаться не надо, мы просто берем числа из первого столбика, помножаем их на некоторые коэффициенты, складываем и размещаем в первой клеточке второго столбика.

Наконец, через какое-то количество слоев, обычно небольшое, мы приходим к выходному столбику. Та ячейка, которая содержит самое большое число, и считается ответом. Чем сильнее отличается самое большое число от следующего по значению, тем достоверней ответ.

Таким образом, нейросеть — это просто очень (на самом деле нерелевантно) много коэффициентов, при помощи которых входной ряд превращают в выходной путем школьной математики.

Кто определяет эти коэффициенты? В общем случае, никто, сеть обучается этому сама, с помощью человека-учителя или без него. Сначала коэффициенты выставляются случайно. Потом нейросети показывают первую картинку, она پردازывает все описанное и дает ответ. Если он верный, то ей дают кусочек сахара (обычно — нет) и показывают следующую картинку.

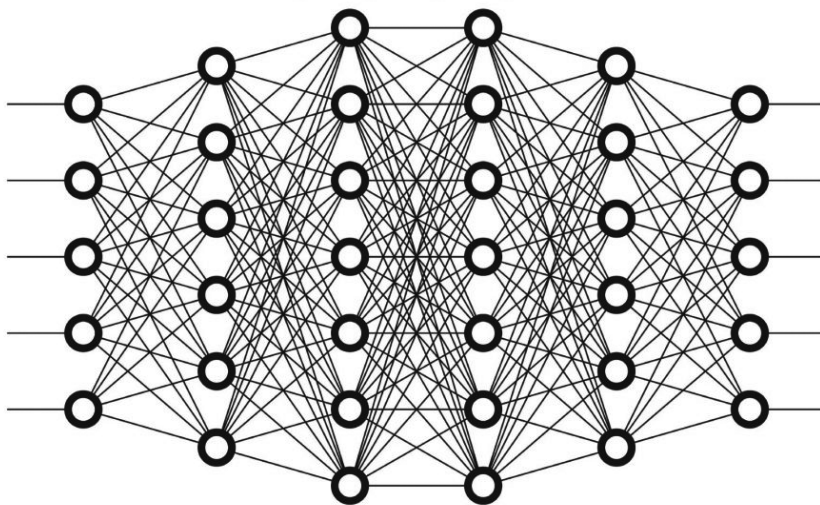
Если нейросеть ошибается, ее наказывают — коэффициенты немного меняют и повторяют всю процедуру по новой, пока не найдется правильный ответ. И так до тех пор, пока процент угадывания перестанет расти.

Разумеется, все это — очень большое упрощение, но непринципиальное. Нейросеть — действительно простая математическая функция со множеством параметров, которые подбираются в процессе обучения на заранее размеченных наборах данных и ответах (или иным, более хитрым, способом). Наборами могут быть картинки, видео дорожного движения, рентгеновские снимки и все что угодно.

Особенно удобно работать с текстами. Во-первых, имеется гигантский оцифрованный корпус, во-вторых, их не нужно размечать — нейросети просто дают кусок текста и заставляют угадывать, например, следующее слово. Именно поэтому нынешний прорыв ChatGPT в первую очередь ассоциируется с написанием тестов, переводами и тому подобным. Никакой особой воли, планов или разума в этом, конечно, нет, интеллект вроде бы тоже — и мир этому не захватить.

На этом можно было бы остановиться, но есть пара более сложных моментов, которые стоит упомянуть. Во-первых, скорее всего, наш мозг устроен примерно так же — по сути, это узлы-нейроны, связанные проводками-аксонами. Обучение, разумеется, немного другое — цена ошибки отличается, но внешнее сходство поразительно.

Во-вторых, сети демонстрируют ряд феноменов, которые мы можем увидеть у себя, — например, есть наборы обучающих данных, которые приводят к абсолютно бесполезному в реальном тестировании результату.

В-третьих, то, что нейросеть по сути дела методом грубой силы решает задачи, которые свойственны человеку, наверное, заставит психологов и философов пересмотреть взгляд на наше мышление.

Существует довольно много философских подходов, говорящих, что мы достаточно просты. Наблюдаемая сложность нашего поведения определяется не сложностью нашего устройства, а необходимостью взаимодействия с другими людьми и внешним миром. Существует также популярное направление автоматизма мышления, которое говорит о том, что наш мозг принимает решение за нас, а сознание только рационализирует то, что уже случилось.

Еще одной проблемой нейросети является то, что мы не знаем, как она работает. Попытка в гигантском количестве коэффициентов выделить островки, ответственные за что-то конкретное человеческое — например, отличия ноликов от палочек при распознавании цифр или за форму ушей при распознавании собаки от кошки, — пока практически не увенчалась успехом. Поэтому мы можем только догадываться, какой способ нейросеть выберет для решения поставленных задач.

Это не фатально, но мы понимаем, что или мы должны объяснять нейросети принципы этичности, или мы должны безусловно доверять ее выводам.

Можно рассмотреть простой пример. Например, вы — фармацевтическая компания и дали доступ своей нейросети к рекламным объявлениям для того, чтобы повысить продажи таблеток от давления. Одним из способов (локальных минимумов, как говорят специалисты) является большое количество постов о пользе таблеток, опасности гипертонии и эффективной борьбе с ней. Но в процессе обучения нейросеть может заметить, что когда в масс-медиа есть много плохих новостей, люди испытывают стресс, давление у них подскакивает, они начинают есть больше бета-блокаторов и прочих таблеток. Вполне возможно, этот метод более эффективен — и именно туда нейросеть придет в процессе самообучения.

Понятно, что все это не является фатальным. Есть различные подходы к внешнему контролю над нейросетями. Можно заставить одну нейросеть контролировать другую, есть направление этического обучения нейросетей и так далее. Тем не менее, наверное, нейросети — это первая история человечества, когда мы получаем очень эффективный инструмент, абсолютно не понимая, как он работает. Этакий Пикник на обочине с самыми разнообразными последствиями. 🍷

Автор — кандидат физико-математических наук, консультант ООН по вопросам цифровизации

Теократия — несостоявшееся будущее России

Почему у нас еще не запретили Гоголя и Толстого

Сергей Балувев

18 лет назад, в 2005 году, непонятно кто выпустил книгу под названием «Проект Россия». Книга была странная — в том смысле, что авторов у нее не было. Потом появились версии, что автор у нее то ли Путин. То ли Якунин. То ли Кургинян. То ли они все вместе это написали. Но никто не признался. Однако книжку рекомендовали для прочтения госслужащим.

А потом еще три тома «Проекта России» вышло. И только в последнем томе автор появился. Но сомнительный — некий бывший сотрудник КГБ, возглавлявший отделение Союза садоводов. Но в садовода не поверили. Потому что не может садовод книжки миллионными тиражами выпускать и фельдъегерской службой рассылать. То есть подставной какой-то садовод.

После 2010 года книги перестали выходить. И о них забыли. А мы тем временем практически по тому, что там написано, и живем сейчас.

В книгах этих что было сказано? Что Россия окружена врагами, которые хотят ее распада, умаления и прочих бед. Что смена руководителей страны каждые 4 года — безумие. Что демократия в принципе

невозможна. Вечный двигатель невозможен — и демократия точно также.

Что СМИ (даже самые православные и патриотические) пишут о чем угодно, кроме главного. Поэтому нужна цензура, идеологическая, чтобы писали про главное.

И не только для СМИ цензура нужна. Скажем, можно ли считать творения Пушкина, Чехова, Толстого опасными для граждан? — спрашивали сами себя авторы. И сами себе отвечали: можно и нужно считать опасными.

Потому что они неправильно воздействуют на сознание граждан. Если верить Гоголю, Чехову, Салтыкову-Щедрину и прочим классикам, Россией управляли сплошь идиоты и самодуры. И вот читает русский человек такую литературу. И даже если в его городе всё замечательно, он всё равно верит не своим глазам, а тому, что написано классиками о России.

Но это так — мелочь. А главное — потребительское общество надо преобразовать в религиозное. Вопрос: как это сделать? Нужны мыслители, готовые за свои убеждения на костер идти.

Как следовало из книжек, их авторы в православии не очень были уверены.

Потому что огромной стране нужна огромная власть. Такая

власть означает безграничное, огромное доверие населения к правителю. А как его достичь? Патриарх не обеспечит.

Оптимальной моделью для власти является теократия. Все остальные плохие или очень плохие. У теократии два ключевых пункта: жрецы (они и должны нести идею) и вера в истину, представленную жрецами.

Ранний СССР был, говорилось в «Проекте Россия», в чистом виде теократией. А РКП(б) — собранием жрецов.

Если суммировать, то что-то из заявленного в «Проекте Россия» реализовано, а что-то нет. То, что Россию одни враги окружают, мы признали. Но Толстого с Чеховым нам не запретили.

Понятно, почему не запретили — логично это делать одновременно с объявлением новой религии.

Она, как обещали в «Проекте Россия», будет проста и понятна всем и каждому.

Тут что неясно: продолжают ли авторы «Проекта Россия» (они молчат уже 13 лет) попытки сформулировать эту простую и понятную религию. Или уже признали, что у них не выходит? Или они придумали, но Путин ее под сукно положил?

Опять эта ужасная неопределенность. За Гоголя радостно. ☹

О графе Уварове, или Почему ущербные памятники лучше

Глеб Сташков

Довольно убогий памятник «Крылатый гений» перед зданием Двенадцати коллегий заменили на совсем убогий памятник графу Уварову (см. картинку).

Граф был министром просвещения и даже кое-чего для просвещения сделал. Но прославился тем, что выдумал триаду «Православие, Самодержавие, Народность».

Впрочем, авторы памятника почему-то решили, что главное в Уварове — это плащ. Который, как мне кажется, никак не символизирует ни самодержавие, ни православие, ни народность.

А символизирует плащ то, что граф Уваров был очень таким модным мужичком. Что сразу вызывает в памяти слухи о сексуальной ориентации министра просвещения. А сексуальная ориентация у этого защитника традиционных ценностей была отнюдь не традиционной.

А зачем нам такие ассоциации? Вопрос риторический, поскольку предлагаемый памятник, как и почти все современные памятники, абсолютно ущербный.

И мне пришла в голову неожиданная мысль. Это же очень хорошо, что нынешние памятники ущербные. Было бы гораздо хуже, если бы они были произведениями искусства.

К примеру, большевики очень не любили Николая I. Но клодтовского Николая I на Исаакиевской площади они все-таки не снесли. Потому как, хоть и не шедевр, но произведение искусства.

Если бы памятник Уварову был произведением искусства, в будущем его тоже было бы не снести. Но, к счастью, этот памятник не является произведением искусства, поэтому снести его можно будет безо всякого зазрения совести. ☹️

Начинается реабилитация 90-х?

Глеб Сташков

Мне подвалило к пятидесяти — и меня накрыла ностальгия по молодости. А моя молодость — это 90-е. И я заметил, что в попсовом секторе интернета появилось очень много материалов про 90-е. «Музыка 90-х», «Звезды 90-х», «Жуткая мода 90-х».

Идеологически все эти материалы «правильные», в духе нынешнего времени — «лихие 90-е», «вседозволенность», «кошмар». Но это всего лишь дежурные фразы, а за ними — любовь и ностальгия.

И я подумал: может, начинается реабилитация 90-х? Просто потому, что пришло время впадать в ностальгию поколению, чья молодость выпала на 90-е.

Вот 20 лет назад впали в ностальгию те, чья молодость пришлось на 70-е. И отсюда пошло такое восхваление брежневских времен.

А сейчас, может, настает время тоски по 90-м. И дело тут вовсе не в политике, а в естественной смене поколений, выпадающих в ностальгию. ☹️

Самое умное — уживаться

Наблюдая за трагедией Карабаха. Просто мысли

Марина Шаповалова

Если не брать за исходное «кто первый начал» (потому что самые первые начавшие наверняка находятся где-то в дописьменных временах), мы еще год назад имели ситуацию, в которой люди уже лет тридцать мирно жили в своих домах.

Да, тридцать лет назад происходили трагические события. Ужасные для многих азербайджанских семей. А до них — для многих армянских... А до этого — тоже азербайджанских... Но потом все успокоилось. Не нормализовалось в полном смысле, а именно успокоилось.

Баку перестал быть тем многонациональным городом, каким мы его знали на закате СССР (и каким он был, рос и развивался задолго до СССР). Люди в Карабахе испытывали массу неудобств, но жить могли, массовой бойни не было. Нигде ее уже не было: ни в Армении, ни в Азербайджане.

Казалось бы: если оставить все, как есть, то пройдут еще десятилетия, потом века, вырастут новые поколения, они начнут налаживать нормальные отношения с соседями... Разве не так все и происходило раньше? Тысячелетиями. На том же Кавказе, этом вавилоне народов. Где всегда воевали до кровавой каши, но потом успокаивались, потом примирялись — в результате чего

Великая Армения в I—IV вв., по карте-вкладышу ко II тому «Всемирной истории» (М., 1956). Заштрихованы земли Великой Армении, отошедшие от нее к соседним государствам после раздела в 387 году.

и сложилось такое расселение «чрезполосицей», где в соседних селах, через перевал или речку — разные племена-народы, с разными языками и традициями.

Практический ход истории показывал, что самое умное для них всех — уживаться. Забывать о том, кто где жил «еще раньше», и просто уживаться. Временами даже казалось, что люди, помня о временах кровавых разборок, о том, сколько боли и потерь с ними связано — ничего больше, на самом деле, кроме боли, смерти и потерь для всех сторон, — как-то умнеют, что ли. И всегда будут стараться не повторить. Цена то, что «как есть», когда уже не убивают и не разрушают домов — это лучше, чем снова начинать убивать и разрушать. Но нет.

Повторяют. В том числе — по современным правилам — на законных основаниях. Потому что нынешние международные правила признают право на земли за государствами, а не за людьми, хотя бы люди и владели этой землей на правах частной собственности в нескольких поколениях. Хотя бы они совсем не хотели подчиняться тому государству, которому по международным законам они сами со своей землей должны принадлежать. Раньше людей убивали и сгоняли с мест только правители-завоеватели («отвоеватели»), а теперь еще и международные законы.

Что там малюсенький Карабах, когда, посмотрев на глобус, видишь планетарных масштабов подкожный кошмар этих самых, узаконенных

границ государств-наций. Произвольно разрезающих пополам и на клочки автохтонные ареалы племен — ну не было в Африке никаких наций! У людей там другое сознание: они не понимали, почему «белые господа» назначили им новыми хозяевами чужое соседнее племя, а на часть земли их отцов вообще запретили соваться, назвав «другим государством». Теперь, как только начинают понимать — хватаются сначала за топоры, потом за «АК» — им не оставили других средств сопротивляться странному и ничему, по их представлениям, не оправданным законам.

Причем, в рамках современных представлений о государствах и их границах, выхода из этих кровавых тупиков нет вообще.

Выход, по-моему, мог бы быть только в отказе от тотального раздела территорий между существующими государствами. Хотя бы там, где сегодня государства не в состоянии осуществлять эффективный контроль над территориями без живодерства.

Например, живет где-то племя, чужеродное так называемой «титупной нации» государства А — зачем нужно обязательно впихивать их ареал (давно разрезанный бывшими колонизаторами) в какое-то государство? Можно же оставить их в покое и считать их земли «безгосударственной зоной»? Ничьей землей, только их? Пусть границы соседних держав в этом месте не соприкасаются. Пусть на них даже стоят КПП и таможи — как некогда у стен городов.

Да, это в каком-то смысле возврат в XVI век. Когда контроль государственных образований заканчивался в чистом поле, иногда на значительном удалении друг от друга. Чем это хуже войн за куски земли с зачисткой территорий от жившего там населения?..

У современного человечества смертельно опасный симптом тотального централизованного контроля над всем и вся. Я бы предложила начать от него освобождаться, пока не поздно. 🐼

У современного человечества смертельно опасный симптом тотального централизованного контроля над всем и вся.

Искушение беззащитными. Почему они издеваются?

Ольга Маркина

Как мухам дети в шутку,
Нам Боги любят крылья обрывать.
Уильям Шекспир
«Король Лир»

Цивилизованность общества определяется тем, как оно заботится о своих беспомощных членах.
Перл Бак

Это и мое глубочайшее убеждение. В моем детстве нас — детей — часто унижали. И в детском саду, и в школе, у зубного врача, на медосмотрах. Не то чтоб это считалось нормой, но жаловаться было не принято. Может, просто мне не везло.

Сейчас времена изменились. Со всем. Попробовала бы учительница в гимназии матом наорать на ученика. Знаете же, чем это закончится.

И только в учреждениях, где находятся беспомощные люди, не важно — дети или взрослые, — система унижения осталась.

Две истории только за последнее время: несколько смертей в ПНИ №10 и издевательства над детьми-инвалидами в коррекционной школе Василеостровского района.

Истории страшные, выворачивающие душу наизнанку от ужаса и беспомощности.

А сколько таких ситуаций так и не находят огласки?

Общественность говорит про низкие зарплаты и недостаточное количество сотрудников. Мол, платили бы больше, всё бы изменилось.

Не уверена. Хотя это бы тоже не помешало.

Я задала прямой вопрос в эфире сотруднику благотворительной организации «Перспективы»: «А вы бы смогли там работать?!»

Она ответила: «Однозначно, нет. Боюсь выгорания...»

Общественность говорит, что надо менять систему.

Надо. Но как?

Мы не приучены анализировать собственное психологическое состояние, а тем более обращаться за психологической помощью. Это не в традициях национальной психологии.

Есть профессии, где контроль адекватности просто необходим: МЧС, кризисные службы, медицина, педагогика и т. д. Работа с особыми людьми в этот перечень не входит?

Кто идет работать с инвалидами? В обычное государственное учреждение.

Какие у них цели и задачи?

Может быть, это было бы неплохо выяснять ДО того, как они подпишут трудовой договор?

А с другой стороны — много ли желающих?

И как сделать эту работу престижной?

Получается, что на данный момент единственный выход — это тесное сотрудничество госучреждений и НКО?

Раз в ряде стран эта проблема решается, значит, ситуация не безвыходная?

Сколько новостных поводов еще необходимо?

А ведь просачивается в СМИ только то, на что обращают наше внимание известные люди или СК.

По факту, скорее всего, «провинившихся» сотрудников уволят с «волчьим билетом». Учреждения какое-то время будут «под повышенным контролем» прессы и органов.

И что? На место уволенных придут другие. Они будут лучше? Больше любить людей?

У них не будет искушения издеваться над беззащитными и беспомощными?

Может, проблема в том, что у нас травмированных, несчастных, обездоленных и озлобленных больше, чем мы предполагаем?

И они идут работать туда, где можно выместить злобу на еще более беспомощных? Тем самым компенсируя собственную ущербность.

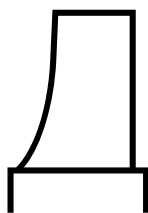
Видимо, страх наказания — единственное, что сможет их удерживать.

Но — конструктивно ли это? ☹️

О детях с ключами на шее, или Влияние гамма-лучей на ногти

Марина Шаповалова

Дети с ключами на шее росли в суровые времена. Никакого выбора гендеров, вода — из крана, на улице — влияние улицы, воспитание — это когда ремнем. Родители оставляли им обед на газовой плите, а перед сном приползали к месту прописки: папа — чтобы завалиться на диване перед телевизором, а мама — стирать замоченное в ванне белье и мыть сковородки.

В свободное от школы и родителей время трудовых будней дети с ключами на шеях лазили по стройкам, на спор перепрыгивали на великах через канавы, бросали карбид в лужи, замачивали газеты в селе литре, отливали биты из расплавленного свинца, поджигали пластмассу, жевали гудрон, слизывали муравьиную кислоту с веток, ели грязными руками зерна из шишек и колосков, подкладывали патроны на трамвайные рельсы и бросали в костер шифер, но в основном выжили.

Потом повзрослели, пришли в себя и разделились. На унаследовавших суровость предков и озабоченных безопасностью.

Вторых меньше, но они проникли в мир взрослых раньше и успешнее, потому что таскали тетради и указки за училками, пока их одноклас-

ники курили за школой. Теперь они устанавливают правила, по которым курить нельзя нигде вообще, за детей на стройке можно посадить всех застройщиков с подрядчиками и уволить треть кабинета министров.

А за ключ на шее и обед, оставленный на газовой плите, лишит родительских прав.

Когда в одной отдельно взятой стране мамы детей с ключами на шее впахивали на строительстве социализма шпалоукладчицами и операторами ткацких станков, домохозяйки американского мидл-класса осознавали свою социальную дискриминацию. Их редко ставили на руководящие посты департаментов, им навязывали уничительные стереотипы о гендерной сепарации профессий — архаика циснормативного шовинизма всю подавляла потенции духовного роста.

Время на организацию широкого фронта борьбы у них было, сочувствие прогрессивных элит тоже.

Нелегко было добиться права служить в спецназе и получать прикладом по сусалам наравне с мужиками, но когда к борьбе за справедливость подключается Голливуд, она неизбежно торжествует. После чего проблема с оплатой труда домработниц и нянь, чтобы не лишиться родительских прав за оставление в опасности

Мамы тех давно выросших детей хорошо помнят давку в автобусах в темноте зимнего утра.

детей с ключами на шеях, была решена по накатанной: харассмент стоит дорого. Надо только иметь хорошую память.

На память не жалуются и те мамы давно выросших детей с ключами на шеях, которые от станка бежали по магазинам в поисках еды, от туда — к плите, от плиты — к ванне со стиркой. Они хорошо помнят давку в автобусах в темноте зимнего утра.

В давку надо было обязательно просунуться, чтобы она внесла тебя в автобус до захлопывания двери. Получив в нос массивным локтем можно было пискнуть: мол, аккуратнее, товарищ, тут женщины! На что сдобренный перегаром голос мог ответить: «Женщины в это время еще спят».

Распознавшие цитату в заголовке поймут меня правильно. ☺

Подпольный зал филармонии

Из жизни уличных музыкантов

Елена Рыйгас

С принятием нового закона об уличном исполнении нам, уличным музыкантам, совсем не стало житья. Для легализации своего хобби пришлось придумать название себе и своей скрипке «ХристаРади_клезмер-бэнд». Долго раздумывала над костюмом, пока одним дождливым вечером не свалилась с самоката. Когда очнулась в гипсе, поняла: как свой клезмер-бэнд назовешь, так полтора месяца в забинтованном виде ходить и будешь.

Для полного соответствия образу выбрала две паперти двух храмов в центре города: Казанский собор и лютеранскую церковь св. Марии на Большой Конюшенной. Поначалу не рискнула идти со своим еврейским репертуаром к православному собору. Мало ли что. Для дебюта сама собой напрашивалась паперть лютеранской церкви. Если смотреть со стороны, пространство выглядит гостеприимно: с правой стороны крыльца все время курят модно одетые работники ДЛТ. Впритык к фасаду здания стоят крутые иномарки, часто с закрытыми номерами. В общем, всем найдется место.

Стою, играю, значит, свою Хаву Нагилу. Вдруг из храма выходит хмурая бабка и говорит: «Иди отсюда! Неча тут попрошайничать!»

А я со своим гипсом и далеко убежать не могу и бабку догнать не в состоянии, дабы перетереть с ней по догматам и авторитетно объяснить, что она попутала катехизисы. В прошлой мирной жизни я была религиоведом. Потом смотрю, на стенде целая афиша организованных концертов, вход на которые «за пожертвования».

Получается, что статусные лабухи могут в стенах храма музицировать за нефиксированную плату, а когда лабухи попроще, вроде меня, стремятся пожертвования под стенами храма, они уже попрошайки.

Прохожие мне часто бросают в футляр конфеты, яблоки или пирожки. Подозреваю, что если бы я пришла на органый концерт и попробовала расплатиться пирожками, то это бы не прокатило. Словом, кто первый наклеил афишу концерта со сбором «пожертвований», тот и главный в подпольной филармонии.

Кстати, в тот неудачный день я играла не на паперти, а на нелегальной парковке. Прохожие угостили меня мороженым. Пошла со своей Хавой Нагилу к Казанскому собору. Выяснилось, что не зря. Получила массу впечатлений. Сначала боялась, что меня прогонят из-за моего еврейского репертуара или обзовут попрошайкой. Но работникам собора до меня не было никакого дела.

Они иногда выходили на крыльцо и о чем-то беседовали с бабушками, просящими милостыню. Под конец дня к бабушкам подходили волонтеры и поили их чаем с пирожками.

Подошел алкоголик, загоравший на траве в сквере, положил мне в футляр сто рублей и пошел к ограде. Постоял рядом с бабушками, настроил с прихожан мелочи, вернулся, кинул мне еще 50 рублей. Через час мимо прошла группа других алкоголиков. Видимо, у них не было мелочи. Они торжественно возложили к моим ногам белоснежный плед, явно стыренный ими с террасы какого-то дорогого ресторана.

Ближе к вечеру потянулась respectable публика. Проходивший мимо скрипач заметил, что я немного фальшиво играю. Сказала, что мне мешает играть гипс и вообще неровный асфальт. Спросила, не дает ли он уроки скрипки для исправления интонации. На втором занятии скрипач специально для моего уличного репертуара сочинил пьесу «Болезненная ножка». Хотя в моем кривом исполнении пока это звучит, как «Хромой смычок».

У нас, уличных музыкантов, тоже есть карьерные взлеты: от ругани на лютеранской паперти до исполнения авторских мелодий. 🐾

Автор — ассоциированный научный сотрудник СИ РАН, уличный музыкант

Лето

Суриков: плакать надо

Михаил Золотонос

Этой весной в Русском музее в присутствии прессы накатали на вал картину Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Вместе с другими работами Сурикова она отправлялась на выставки в Сибирь. Тут плакать надо, а не радоваться. Потому что наматывание на валы — колоссальная травма для картин, поскольку при такой операции в красочном слое картины раскрываются все трещины.

Потом реставраторы трещины замазывают, но как бы тщательно они это ни делали (что происходит, мне кажется, не всегда), подлинность произведений искусства постепенно, шаг за шагом, утрачивается. И все это ради тех денег, которые музей получает за аренду картин при передачах на выставки. Попутно травмируются и рамы — так, например, в результате беспощадных графиков разломали раму картины Айвазовского «Девятый вал».

Сразу возникает вопрос: придет в голову М. Б. Пиотровскому отправить куда-то на выставку всего Рембрандта? А ведь Суриков для Русского музея — не менее ценен, чем Рембрандт.

В 2019 году «Город 812» опубликовал письмо экономиста Клары Петровской. Цитата: «Иду по залам

Постоянной экспозиции в Русском музее давно нет, картины непрерывно летают по всему миру, а в самом музее вместо них вешают второстепенные замены.

1-го этажа к любимому Федотову. Нет! Но был целый зал. Где Федотов? В зале висят безликие пейзажи. Зато зал Крамского, зал Перова, целый зал Соломаткина. Хватило бы одних «Славильщиков», чтобы показать эпоху.

А где Тропинин? Не было такого художника? Венецианов наверху, между колонн, автопортрет недоступен для общения, а Сорока тоже вне восприятия (кстати, там я нашла «Сватовство майора» — скромно!). Ну, Репин — 3 зала, щедро.

Ощущение, что сегодняшнее руководство музея совсем не чувствует потребности времени. Александр Иванов совсем исчез наверху, а как логичен был Семирадский как продолжение Академии художеств. Старая развеска была и логичной, и научной, и осмысленной, а сейчас?! Внизу по дороге в корпус Бенуа: нет Рериха — ну нет слов! Почему?

Чем он провинился перед русским искусством?

В корпусе Бенуа тоже сюрпризы: нет Серебряковой! Она же традиция! Нет Шагала — где? Почему от Малевича жалкие обрывки? Ларионов — ни «Петуха», ни «Венеры». Ох! Кандинский — он же русский художник, великий в XX веке — одна картина. И такие «почему?» и «где?» на каждом шагу. «Девятый вал» — есть картины, которые никогда нельзя вывозить, потому что это лицо музея...»

Вот как я прокомментировал тогда это письмо.

«Наивные» вопросы автора письма отмечают острейшую проблему, характерную для Русского музея сегодня: это лакуны в экспозиции, общее число которых и качество регулярно достигает критических отметок. В частности, Клара Дмитриевна не обнаружила на привыч-

ном месте «Девятый вал» Айвазовского — вместо него висит какой-то малозначительный морской пейзаж того же художника. Причина проста: всемирно знаменитый «Девятый вал» улетел в Японию на выставку. Это один пример из десятков.

Фактически постоянной экспозиции в Русском музее уже давно нет, картины — причем самые знаменитые — непрерывно летают по всему миру, а в самом ГРМ вместо них вешают второстепенные замены, извлекаемые из фондов.

Получается парадокс: люди специально приезжают в музей, иногда издалека, и хотят своими глазами увидеть то, что каждый знает с детства по иллюстрациям — картины Айвазовского, Левитана, Куинджи, Верещагина, Малевича, Кандинского, Шагала, — а знаковых произведений нет: они разбросаны по выставкам по всему миру.

Вот автор письма не увидела Малевича — а ведь коллекция его произведений, хранящаяся в Русском музее, уникальна по количеству и полноте. Где она? Куда улетел этот бренд русского абстракционизма?

Предоставление картин на выставки — это источник внебюджетных доходов музея, и желание заработать побольше денег ликвидировало в ГРМ само понятие постоянной экспозиции. Она теперь формируется случайным образом из того, что не удалось куда-то отправить и на этом заработать. Экскурсоводы давно стонут, потому что заранее могут не знать, что окажется в зале, посетители недоумевают: ищут то, к чему привыкли, или то, что по каталогам должно быть в экспозиции, но найти не могут... Иначе говоря, баланс между постоянной экспозицией и выдачами на выставки давно и необратимо нарушен в пользу последних.

С этим же связано и обилие магазинов по продаже книг и «сувенирки». Магазинов множество, потому что много владельцев: какими-то, например, как уверяют, владеет дочка директора ГРМ Гусева, другими — еще чья-то дочка, внучка, жучка... Все свободное пространство поделено на зоны интересов, выгодно используется каждый ква-

ФОТО: ВАДИМ ШУВАЛОВ

Размер полотна — 3 на 6 метров, а вес — около 200 килограмм. Наматывание на вал — колоссальная травма для картин, поскольку при такой операции в красочном слое картины раскрываются все трещины.

дратный сантиметр. Действует все та же алчность.

Мало кто знает даже в самом музее (это секретная информация), что 120 картин из фондов ГРМ были переданы для украшения одной из президентских резиденций. Хочется надеяться, что это картины не первого ряда, но, тем не менее, картины музейного уровня, которые должны храниться в музее. Выданы картины на срок или бессрочно — неизвестно, Отдел учета ГРМ, в котором фиксируются выдачи, — это подразделение сверхсекретное, обращаться сюда за подробностями бесполезно. Но факт характерный для функционирования налаженной в ГРМ системы проката.

Причем все о формально сделано в соответствии с Уставом: согласно ст. 24 музей вправе сверх установленного государственного задания оказывать услуги для граждан и юридических лиц за плату, в том числе и услуги по выдаче музейных предметов. То есть формально любой гражданин имеет право обратиться за предоставлением из коллекции ГРМ понравившейся ему картины.

Например, в 2009–2010 гг. некоему гражданину Шмакову удалось (правда, при помощи министра культу-

ры А. А. Авдеева) получить из музея икону Богоматери Торопецкой XIV в. Тогда икону клялись взять на время, это обещали и Шмаков, и министр, и Патриарх РПЦ, а оказалось — навсегда: Торопецкая в итоге была изъята из инвентаря ГРМ.

В комментарии к письму Клары Петровской научный сотрудник отдела картинных рам Оксана Лысенко подчеркнула: «Наши посетители не видят и десятой части картин Малевича. А между тем именно ГРМ были переданы все (за исключением нескольких, которые вдова оставила себе) работы Малевича, находившиеся в его квартире после смерти художника. <...> «Девятый вал» должен быть внесен в список картин, которые нельзя вывозить (увы, такого списка в ГРМ нет). Его рама совсем несчастная — древесина пересушена, очень хрупкая, с конструкцией проблемы. Каждый раз сердце кровью обливается, когда раму снимают и разбирают. А рама — золоченая, с резным орнаментом — уникальная (!), созданная специально для картины (один из интереснейших примеров синтеза искусств). Николай I купил у Айвазовского картину вместе с этой рамой».

О дресс-коде и эпатаже

Марина Шаповалова

Традиционный дресс-код международной дипломатии для мужчин — европейский костюм. Консервативный, без излишеств, подчеркивающий равенство участников международных саммитов. Женщины не в статусе жен на этой арене появились позже, их костюмы отличались большим разнообразием кроя и цвета, но подчинялись той же тенденции. Образцовый пример — представительский гардероб Маргарет Тетчер. Нарушителем традиции дресс-кода встреч на высшем уровне тоже была женщина — Индира Ганди.

Намеренным введением в официальный дресс-код саммитов элементов национального костюма (или сочинением целого костюма из них) всегда отличались лидеры стран Африки, недавних европейских колоний.

Это должно было считываться так: вы больше не можете навязывать нам ваши культурные нормы, мы не признаем их общими и отказываемся им следовать. Пренебрежения к приличиям в этом не было: в остальном дипломатические протоколы обычно соблюдались как удобные и разумные, хотя и европейские. Но лидеры новых государств своим обликом как бы

заявляли, что они и их народы — НЕ европейцы, и европейские традиции им чужды.

Исключением из всех правил был ливийский диктатор Каддафи. Своими экстравагантными костюмами и поведением он продемонстрировал только собственную артистическую натуру и неодолимую тягу к эпатажу. Когда полковнику приходило в голову соблюсти черно-белую гамму прикида, мировым лидерам все равно приходилось позировать перед фотокамерами рядом с ряженым клоуном.

К слову, Каддафи выглядел эпатажно, но никогда лохом. Это своеобразный талант, подражать которому невозможно и не нужно. Нормальных людей от позора обычно спасает чувство меры.

Казалось бы, ливийского анфантеррибля и прирожденного шоумена переплунуть уже никому не удастся. Но тут миру явился новоизбранный президент Боливии Эво Моралес — в полосатом свитере на официальной встрече с президентом Франции. Осталось загадкой, действительно ли он натянул на себя спросонья первое, что под руку попало, или кто-то продумал образ «простого парня», слегка предвосхитив массовый запрос, но Шираку преодолеть замешательство не удалось.

Муаммар Каддафи: если мундир, то с эполетами, орденами и медалями.

Президент Южного Судана Сальва Киир никогда не снимает шляпу.

Наверно, эффект Моралесу понравился, и он решил замечательный полосатый свитер не снимать. Так и ездил по мировым столицам в гости к коллегам, иногда надевая поверх свитера кожаную куртку. Они его, впрочем, уже и встречали по одежке, и провожали по уму.

В традициях вообще интересно то, что манифестируется их нарушениями. А театр по-прежнему начинается с вешалки, в том числе политический. 🍷

МАВЗОЛЕЙ

Фантастическая
драма идей
в четырех
действиях

Семён Грила

Мавзолей

*Фантастическая драма идей
в четырех действиях*

Ад пуст.
Все бесы здесь.
Шекспир

Уходить очень тяжело — до тех пор, пока не уйдешь.
А потом познаешь, что легче нет ничего на всем белом свете
Джон Грин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ленин
Сталин
Троцкий
Коллонтай
Крупская
Дзержинский
Берия
Академик

И еще много персонажей, возникающих по ходу пьесы. Среди них сотрудники безопасности, американские сенаторы и разведчики британские, и даже мельком Фрида Кало.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кремль. Резиденция вождя
мирового пролетариата
Владимира Ильича Ленина.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет Ленина в Кремле. Входит С т а л и н .

Л е н и н . Коба, я пришел к выводу, что нам надо разделиться. Мы так этот проект не потянем. Народ между пальцами разбегается. Не ухватывает суть.

С т а л и н . Да, есть проблема. Согласен. Но как мы разделимся-то, тебя ведь не спрячешь.

Л е н и н . Ну почему. Мы будем прятать меня на самом видном месте. Чтобы никогда не поняли.

С т а л и н . Это как?

Л е н и н . Не будешь меня хоронить. Построишь мавзолей у Кремлевской стены. От него ход к подземному бункеру. Бункер готов почти, мне говорят. Я буду лежать, над поддержанием тела будут работать ученые. Создашь институт. Хорошее прикрытие для выделения денег — для тех, кто будет со мной там, в бункере.

С т а л и н . Ну, ты, Ильич, редкостная сука, конечно. Ты там будешь тащиться, а я тут отдуваться. Хорошо устроился.

Л е н и н . Я не понял. Мы как с тобой договаривались, когда ты умолял тебя не выгонять? Я — мозг, ты — руки. В общем, я решил. Значит, так и будет. Или мне другого поискать? Желających навалом.

С т а л и н . Ну, ты шуток не понимаешь. Я «за» двумя руками. Буду царем. Мечта всей жизни. *(Смеется.)*

Л е н и н . Во-во. Иди готовься. Царь всея белой и малой. Откуда что берется!

С т а л и н уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Входит Т р о ц к и й .

Т р о ц к и й . Звал меня, Владимир Ильич?

Л е н и н *(веселый)*. Я звал тебя, проказник и шалун.

Т р о ц к и й . О как, оказывается, роль моя меняется.

Л е н и н . Ну да. Теперь ты станешь раздражителем для Кобы. Будешь напоминать ему своим существованием, что он лишь смертный, и не очень чтобы задавался, помнил, кто он и откуда.

Т р о ц к и й . А ты куда?

Л е н и н . Я скоро умру, похоже. Чувствую себя все хуже, мигрени, уж и не помню, когда писал чего-нибудь путное. Да любое. Пора. А ты, мой друг, на страже останешься. Наследия. Ты понял? Справишься?

Т р о ц к и й . Ну ты вопросы задаешь. Откуда же я знаю. Жизнь покажет, кто на что учился.

Л е н и н . Среди наших мало кто понимает, и с этим, видимо, будет еще хуже. Коба будет подбирать себе подобных.

Т р о ц к и й . Откуда ты взял, что он наследство подберет?

Ленин. Увидишь. И не прозевай, когда он будет тебя за горло брать. Ладно, еще поговорим, иди пока. Работай.

Троцкий уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же.

Ленин (*по телефону*). Голубчик мой, так как же с нашим дельцем? Скоро уже я смогу с легким сердцем отправляться к праотцам?

Трубка. Да мы готовы, дело за строителями, они тянут, работать можно только по ночам, секретность и все такое.

Ленин. Ну объявите, что строится метро.

Трубка. Объявили. Скорость не изменилась. Не хотят работать. Я же говорю — строители. Если б мои так работали, вы никогда бы не получили шанса вознестись.

Ленин. Ладно, давай передвинем старт программы на месяц, но не больше.

Трубка. Спасибо, Владимир Ильич, думаю, уложимся. А вы таблеточки принимать начинайте. Ну, Филипп Иванович зайдет, расскажет.

Ленин кладет трубку, сидит в задумчивости.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Входит Герберт Уэллс (великий писатель). Владимир Ильич радостно выбирается из-за стола навстречу.

Ленин. Вот спасибо, что приехали. Ну как вам у нас? Врет все ваша хваленая пресса? Не бегают медведи по улицам?

Уэллс. Не заметил. (*Смеется.*)

Ленин. Вот и хорошо. А я вчера еле удрал. (*Смеется.*)

Уэллс. Но все-таки, Владимир Ильич, проблемы же есть? Они очевидны.

Ленин. Да, конечно. Вы, батенька, приезжайте к нам лет этак через 20. Офигеете. В натуре.

Уэллс. Не очень хорошо знаю язык. Но верю вам на слово. Приеду, если жив буду. Спасибо за приглашение.

Ленин. Обязательно заезжайте. Меня не будет, наверное, но кто-нибудь вас встретит, я накажу.

Уэллс. Спасибо огромное, Владимир Ильич! Если позволите, я пойду?

Ленин. Ступайте-ступайте, голубчик.

Уэллс уходит. Ленин сидит в задумчивости, забыв вернуться за стол.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Кабинет Сталина. Сталин сидит за столом и читает газеты. Звонит телефон. Сталин снимает трубку.

Сталин. Сталин слушает.

Трубка. Иосиф Виссарионович, с вами хочет говорить маршал Жуков за счет абонента.

Сталин. Соединяйте.

Жуков. Иосиф Виссарионович, произошла какая-то накладка, очевидно. Я в Бразилии, без денег и документов, без инструкций. Что мне делать?

Сталин. Черт, опять эти эксперименты с перемещениями. Просил же не трогать действующих сотрудников.

Жуков. Все понятно. Слава богу, полегчало. Думал, нажрались — и я самолет погнал в Бразилию, где в лесах много диких обезьян. А тут потерялся на жаре. А эксперименты — это хорошо, это надо.

Сталин. Подожди, узнаю в институте, может, ты и правда сам все сотворил, тогда трибунал! Идиоты, летают куда попало. Ты же мне все испортишь, баран.

Жуков. Простите, товарищ Сталин. Я отслужу, вы же знаете.

Сталин. Ладно, ты там пока побудь, я сейчас скажу, чтобы посольство предупредили. Может, дело там тебе найду, раз так вышло.

Жуков. Слушаюсь. Жду дальнейших указаний!

Сталин кладет трубку.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Кабинет Ленина. Входит Коллонтай.

Коллонтай. Вызывали, Владимир Ильич?

Ленин (*прищурившись*). А сама бы не пришла? (*Смеется.*) Садись давай.

Ленин (*нажимает на кнопку, входит дежурный секретарь*). Принесите-ка нам чаю. И сушки, сушки дайте. Сколько раз вам говорил: давайте всегда к чаю сушки, а утром опять без сушек пил!

Коллонтай (*с восторгом*). Все такой же Ильич, как бывало, все шумит-шумит, как береза на ветру.

Ленин. Да забодали уже. Нет житья.

Коллонтай. Ну ладно тебе, Володя. Они стараются.

Ленин. Да уж, стараются. Ну да ладно, я чего тебя позвал-то. Хочу посоветоваться. Брать мне Надю в дальнюю дорогу или оставить лучше в привычном окружении? Ты женщина, дай совет.

Коллонтай. А куда это ты собрался? Меня возьми. Чем я хуже? Она тебе надоела давно.

Ленин. Да подожди ты. Я серьезно тебя спрашиваю.

Коллонтай. И я серьезно. Если собираешься жизнь менять, зачем тебе старую бабу в нее тащить. Отличный повод для обновления. (*Смеется. Заливается.*)

Ленин (*про себя*). Вот всегда была душой, душой и осталась. (*Вслух*). Я тебя понял, тогда я подумаю и если что — дам тебе знать. Разговор, естественно, между нами должен остаться.

Коллонтай. Ну, разумеется. Если у тебя всё, я пойду — много текучки, никак не разгребу, тону в ней бесконечно.

Ленин. Ступай-ступай, не задерживаю.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Кабинет товарища Маленкова.

Маленков (*говорит по телефону*). Да, давайте соберемся, конечно, но я считаю, что надо класть товарища Сталина в мавзолей. И надпись изменим. Ну, конечно.

Трубка. Умный ты, Георгий. Я, в принципе, не возражаю, тем более это ненадолго.

Маленков. Почему это ненадолго?

Трубка. Да потому что Владимир Ильич будет недоволен.

Маленков. Никита, ты реально, что ли, съехал от горя или спиритизмом переувлекся?

Трубка. Увидишь.

Гудки.

Маленков кладет трубку и сидит в задумчивости. Звонить Берии или нет — вот в чем вопрос. Решает не звонить. Пусть идет как идет.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Кабинет Ленина. Входит Цетлин (руководитель комсомола), хотя, возможно, это был и Шацкий, в журнале посещений было просто написано: встреча с комсомолом.

Ленин. Ну как дела, товарищ комсомол?

Цетлин. Прекрасно. Вот придумали лозунг: «Если партия скажет: надо, комсомол ответит: есть!» Как вам?

Ленин. Неплохо, только непонятно, он что скажет: давай есть, что ли? А так хорошо, молодежно!

Цетлин. Я чего пришел-то, Владимир Ильич.

Ленин. И мне интересно, чего ты пришел.

Цетлин. Хотим клуб футбольный организовать и назвать «Спартак».

Ленин. Ну хорошо, отличное название.

Цетлин. Спасибо, теперь отобьемся, а то Дзержинский требует, чтобы назвали «Динамо».

Ленин. Смешное название. Ну а вы два клуба сделайте: «Спартак» и «Динамо». А то иначе, боюсь, не отобьетесь. А еще лучше — сделайте три. Еще армейский, а то военные обидятся, побегут к Троцкому. Греха не оберешься.

Цетлин. Понял вас, Владимир Ильич. И еще последнее: вы на съезд приедете к нам?

Ленин. А когда он у вас?

Цетлин. Через месяц.

Ленин. Возможно, голубчик, и приду. Уточню позднее.

Цетлин. Спасибо, будем ждать. Разрешите идти?

Ленин. Валяй, комсомол, иди.

Цетлин уходит. Ленин смотрит в окно, пытается понять, кто это был — Цетлин или Шацкий? Такая текучка.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Кабинет Ленина. Входит Дзержинский.

Ленин. Заходи, Феликс Эдмундович, ждал тебя, садись.

Дзержинский. Здравствуйте, Владимир Ильич, спасибо. (*Садится*.)

Ленин. Вот какое дело, Феликс Эдмундович, я тут в проект собираюсь перейти, в параллельный коридор, так сказать. Ну, ты знаешь. Мы говорили. Думаю тебя взять с собой. Ты как?

Дзержинский. Так я как скажете, как партии надо. Мы солдаты, в общем, командуйте.

Ленин. Думаю так: ты еще побудь тут немного, год-два, не больше, присмотришь, как тут пойдет, и подбором кадров займись дальше, не успели, как всегда, ничего. И потом ко мне. Да, главное, почему тебя оставляю: постройка мавзолея должна идти в строгой секретности. Понял?

Дзержинский. Все сделаю, Владимир Ильич, не беспокойся. Как связь будем держать? Будет связь?

Ленин. И это в том числе проблема — устойчивость связи, ее надо отлаживать с двух сторон. Думаю, почта — самый надежный вариант. Курьеры. Кладут в дупло и забирают из дупла. Помнишь, как у Пушкина? (*Смеется*.)

Дзержинский. Сделаем. Найдем людей. Все сделаем.

Ленин. Надеюсь на тебя и буду ждать у себя там. Дел очень много. Мировая революция не ждет. В этом задача проекта.

Дзержинский. Понял. Я пойду тогда?

Ленин. Давай. Не прощаюсь. До отъезда обязательно увидимся.

Дзержинский уходит.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Горки. Загородная резиденция председателя Совнаркома. Сидят на веранде с Надеждой Константиновной, дивный закат, еще не холодно, хотя осень-осень. В пледах.

Ленин. Я, наверное, Надя, уйду скоро, а ты не торопись, тут подольше побудь, посмотри, что да как тут будет без меня.

Крупская. Чего-то боюсь я вот этого проекта твоего безумного. Не дурачат тебя эти ученые? Я не доверяю им. Схоластики.

Л е н и н . Уж если в этих терминах, то схоластики скорее мы. *(Смеется.)*

К р у п с к а я . Может, ты и прав, но перемены гнетут. И так много — и революция, и теперь что ни день, то беда какая-нибудь. Нервничаю.

Л е н и н . А ты не нервничай. Вот травки попей с чайком, тебе и полегчает. А я решил, и обратный отсчет скоро уже пойдет. А ты останешься и добавишь легитимности происходящему. Вдова вождя. Надо, чтобы гладко прошло.

К р у п с к а я . Я постараюсь. А связь-то хоть будет? Пиши. *(Смотрит пристально.)*

Л е н и н . Конечно, будет, и мы будем в постоянной переписке. Только все сразу уничтожай. И свои черновики тоже. И пиши все сама. Никакой диктовки.

К р у п с к а я . Да поняла уж, сколько можно одно и то же. Принести еще чего-нибудь тебе?

Л е н и н . Да нет, спасибо, Надя, подремлю.

Она целует его в лоб и выходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лет через пять.
Кремль. И не только.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет товарища Сталина. Сталин сидит за столом, курит трубку — ну, в общем, все как полагается. Входит Ворошилов.

Ворошилов. Вызывали товарищ Сталин?

Сталин. Да, проходи, садись. Что вы там не поделили с Будённым, хочу у тебя узнать. Он нас заявлениями и докладными уже замучил. Что там у вас происходит?

Ворошилов. Так он бьется за фуражное зерно для своих лошадей, а у нас нет его, не уродилось. Вот он и переживает. Конные армии его без коней. Смешно же.

Сталин. Да уж знаю. Ну, какое решение? Надо что-то решать.

Ворошилов. Надо создать регион по площади такой, чтобы фуража давал столько, чтобы прокормить Будённого, и вменить в обязанность заниматься только этим. Такая аграрная фабрика имени товарища Будённого. Я так предлагаю. Но невозможно через наших умных экономистов протянуть.

Сталин. Ну давай вместе. Может, вместе протянем. *(Смеется.)*

Ворошилов. Хорошо бы. Вместе с вами у нас все что угодно получится.

Сталин. Ладно, приходите вместе с Рыковым или кто там у нас сейчас за экономику отвечает, и примем решения по вашим предложениям.

Ворошилов. Спасибо, товарищ Сталин.

Сталин. Только регион подберите подальше от западных границ. Ты понял?

Ворошилов. Так точно, понял. Разрешите идти?

Сталин. Ступай.

Ворошилов уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. В кабинете. Звонит телефон.

Сталин. Слушаю.

Трубка. Привет! Ну как там у тебя?

Сталин. Все вроде нормально, Владимир Ильич. Как вы?

Трубка. Обживаемся, привыкаем. Надо постепенно кадрами нас насыщать. Поставь работу эту на поток. Не только Соловки. Шире гребни.

Сталин. Да, сейчас рассматриваем варианты после ваших указаний прошлых. Стараемся.

Трубка. У тебя хорошо получается. Мавзолей заканчивай уже. А то сотрудники института жалуются: пылица, вибрация. Все время меня надо оттирать и двигать обратно на правильное место.

Сталин. Все делаем, дорогой вождь мирового пролетариата.

Трубка. Вот, кстати, об этом. Надо повсеместно в Европе усиливать мощности Коминтерна по пропаганде среди рабочего класса, а товарищи запаздывают, жалуются на скудость матобеспечения.

Сталин. Болезнь роста, Владимир Ильич, все будет, но не сразу.

Трубка. Троцкого не трожь, он нужен нам в международном проекте. Постепенно выдави его наружу, и только. Ты понял?

Сталин. Понял я, понял. Выдавлю с удовольствием. Видеть его не могу.

Трубка. А ты не смотри. Дело делай, а не сантименты из семинарии разводи. Ладно, пока. Время кончается.

Сталин. До свидания, Владимир Ильич.

Вешает телефонную трубку. Берет курительную и в задумчивости набивает ее табаком.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Входит Дзержинский.

Сталин. Заходи, садись.

Дзержинский. Ну что, я убываю или как?

Сталин. Давай ты доразберешься со стройкой — и вперед. Хозяин недоволен. Постукиваешь?

Дзержинский. Он спросил — я ответил. Думаю, за полгода доделают. Я сделал для этой стройки отдельный лагерь. Берут туда только со строительными специальностями. Строители с других строек недовольны.

Сталин. Что значит недовольны? Ты тогда и их бери. Энтузиасты. Что думаешь — кого вместо себя хочешь оставить?

Дзержинский. Менжинского, кого же еще. Дзержинский, Менжинский — никто и не заметит.

Сталин (смеется). Ладно, я подумаю. С лимитами у тебя все в порядке, все доводят? Все, что надо, есть?

Дзержинский. Да, Иосиф Виссарионович, все нормально. Как они могут мне не добавить?

Сталин. Ну да, ну да.

Дзержинский. Я зайду к тебе перед уходом, примешь? Посидим на дорожку.

Сталин. Конечно, посидим обязательно. Будь здоров!

Дзержинский уходит.

Сталин. Как там Осип-то говорил — жизнь упала, как зарница? Ну-ну.

Тушит лампу на столе. Становится темно. И тихо.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Где-то в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Милане, Берлине, Мадриде и далее везде. Везде, где работали интернационалисты. Кафе. Мужчина и еще мужчина. Разговаривают.

Первый. Ты все время талдычишь про деньги — я понимаю. Но результаты! Где результаты?

Второй. Вот ты все время про результаты. Но я говорю: откуда они возьмутся? Людям ждать нечего, а они должны работать и еще нашими делами заниматься. У них семьи. Их надо кормить.

Первый. Мне нечем отчитываться в центре. Ассигнования в обмен на результаты. Как ты не понимаешь.

Второй. Да вы все одинаковые. Коминтерновцы, шпионы всех мастей. Вас уже отличить невозможно. И вы все стучите в мою дверь. И никто не собирается платить.

Первый. Но вы же идейные. Если бы вы хотели денег, вы знаете, где их дают всегда.

Второй. Да, мы знаем. Да, мы идейные. Да, мы хотим с Коминтерном. Верим в мировую революцию. Но мы живые люди. Есть законы природы.

Первый. Образованные слишком. Лучше с простыми работягами. Правда, они одноразовые, но зато как полыхнут — дым долго не рассеивается. А вы тугие. Ладно, я попробую достать тебе денег. Но чудес не жди.

Второй. Отлично. Мне пора. За мной уже пару раз хвосты пристраивались. Живем, как на сковородке.

Первый. Давай, отваливай. Я еще посижу. Посмотрю. Встречаемся через месяц.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Где-то под мавзолеем или по диагонали от него. Кабинет товарища Ленина. Входит академик.

Ленин. Присаживайтесь, Павел Петрович. Как вы? Спите хорошо?

Академик. Да, спасибо, все нормально. Тут вот какое дело (все время выглядит задумчивым): на наших людей в Европе вываливаются различные деятельности рабочего движения, и у них складывается ощущение, что их принимают за других. Ну, как бы те с ними знакомы, а наши не помнят такого.

Ленин. Не синхронно соединены коридоры, что ли? Мы их опережаем или они нас? На сколько?

Академик. Выясняем. Данные появились недавно, пытаемся увеличить их объем, чтобы сделать выводы и прогноз. Рекомендации появятся не раньше чем дней через десять. Надо ли сказать, чтобы снизили активность на это время?

Ленин. Согласен. Передайте всем, что со мной согласовано. Снизить активность сети до нуля на ближайšie две недели. Что еще?

Академик. А в остальном — агентура работает лихо, можно увеличивать количество агентов и масштабы операций. Но, как всегда, обозы отстают.

Ленин. Опять воют по поводу денег? (Смеется.)

Академик. Да.

Ленин. Хорошо, я напишу Кобе, чтобы поторопился и увеличил лимиты.

Академик. У меня все, Владимир Ильич. Как самочувствие? Жалоб нет?

Ленин. Нет, все нормально. Только шум в ушах.

Академик. Ну, это скоро пройдет (*улыбается*): значит, адаптация идет успешно. Я очень рад.

Ленин. Да, спасибо и до свидания!

Академик. До свидания, Владимир Ильич.

Уходит. Ленин смотрит ему вслед и строит рожи.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Временный мавзолей. Ленин лежит. Рядом на стуле сидит Троцкий. Сильный полумрак. Входит сотрудник мавзолея. Двигает какие-то рычаги.

Сотрудник. Так нормально, Владимир Ильич? Не беспокоит подогрев?

Ленин. Нормально, голубчик, нормально.

Сотрудник уходит.

Ленин. Ну ты, Лев Давидович, навел шороху в Европе. Похоже, твоя агентура накладывается на нашу. Надо объединять.

Троцкий. Прошу прощения, Владимир Ильич! Вы же знаете — темперамент у меня такой, черт бы его побрал.

Ленин. Да знаю, как мне не знать. Давай перемещайся потихоньку из России вслед за агентурой. Можешь с настройкой, да и Коба уже, наверное, тебя достал. (*Смеется.*)

Троцкий. Жаловался?

Ленин. Ну а как же. Пока ты есть, он не может полноценно стать вождем. Вбил себе в башку, что партия косится. А партии насрать. И на тебя и на него. (*Смеется.*)

Троцкий. Развернул против меня весь свой пропагандистский аппарат. Они, по-моему, ничем, кроме меня, не занимаются.

Ленин. Ну, я не разрешил ему тебя сажать. Вот он и действует мягкой силой. Сживает со свету.

Троцкий. Да, задачу понял. Начинаю выдвигаться. До свидания, Владимир Ильич! Не простудитесь. Я тут пока сидел — замерз. Сквозняки тут у вас.

Засмеялся и растворился в темноте.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Свет постепенно загорается. Зал заседаний в Кремле. Большой стол. Много народу. Заседание Политбюро и Совнаркома. Совместное.

Сталин. Давайте начинать. У нас среди прочего вопрос о переименовании Петрограда в Ленинград. Вопрос назрел еще и до смерти вождя, товарища Ленина, а сейчас уже и перезрел. Прошу высказываться.

Троцкий. Считаю вопрос очевидным и не требующим дискуссий.

Рыков. Совнарком и я как председатель и как большевик — двумя руками за переименование.

Зиновьев. Петроградская партийная организация, Петросовет — целиком «за». Горожане с энтузиазмом откликнутся на наше решение, в этом нет сомнения.

Сталин. Совершенно очевидно, что возражений нет и быть не может. Давайте поручим товарищам Рыкову и Зиновьеву внести все необходимые документы и оформить переименование в кратчайшие сроки.

Все согласно кивают. Совещание переходит к другим вопросам. Свет постепенно гаснет.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Где-то под мавзолеем. Кабинет Ленина. За столом сидит Ленин и разговаривает с неким господином незапоминающейся наружности.

Ленин. Вы читали, Сергей Сергеевич, что нам переслали из Коминтерна, — записку, какую они послали Сталину? Нелепость какая-то. Во всем виноват Троцкий! (*Смеется.*) Коба там, наверное, все волосы себе оторвал. Мне говорят, что идут тотальные аресты троцкистов. И это очень кстати. Вы их всех к делу пристраивайте.

Собеседник. Разумеется, мы сразу этим занялись. Но вы должны понимать, что наши стратегии все больше расходятся. Сталин хочет, чтобы Германия бросилась на Англию, а наши цели несколько иные.

Ленин. Наша задача — увеличить влияние, прямое влияние в Европе. Ибо теперь понятно, что мировая революция — это, скорее, захват извне, нежели взрыв изнутри.

Собеседник. Совершенно верно. Именно так мы и ориентируем нашу агентуру. Но пока мы вполне еще можем течь вместе. Я вижу нашу задачу в закладке на годы и годы вперед.

Ленин. Совершенно верно. И капитал, а не только пролетариат, должен разделять наши цели.

Собеседник. Эта задача решается параллельно. Будущая роль лондонского Сити. Благодарность и все такое. Мы получим и пространственное расширение, и финансовое влияние. Думаю, лет двадцать у нас есть? (*Смеется.*)

Ленин. Тут мы с вами совсем не ограничены. Наше время течет значительно медленнее. Двадцать лет пролетят очень быстро. И тем не менее, мой друг, нельзя упускать шансы.

Собеседник. Ну, Троцкий вроде не подводит. Впрочем (*встрепенулся*), и Сталин тоже (*озирается по сторонам*).

Ленин. Наверняка слушает. Но нам-то что — временной асинхрон. Ему не пригодится эта прослушка, когда он ее получит. Будет уже не актуально.

Собеседник. Я хочу извиниться, мне пора бежать.

Ленин. Удачи.

Мужчина неопределенной наружности уходит. Свет гаснет.

Проекция аналитической записки, которую обсуждали собеседники, на темную стену сцены.

Кому. Центральному Комитету ВКП(б)

От. Секретариат Коминтерна

Дата. 23 сентября 1929

Тема. Аналитическая записка по деятельности Коминтерна в Европе

Товарищи!

1. Итоги деятельности.

Испания. Проявляются признаки политической нестабильности. Троцкисты активизируют свои позиции, нацеливаясь на перманентную революцию.

Италия. Муссолини утвердился у власти, усилив фашистскую диктатуру. Троцкисты акцентируют внимание на разногласиях рабочего движения.

Германия. Возрастает влияние нацистской партии. Троцкисты пытаются представить сталинизм как угрозу мировой революции.

Франция. Коминтерн активно поддерживает Популярный фронт. Троцкисты критикуют эту стратегию.

2. Планы на ближайшие годы.

— Акцентировать внимание на объединении рабочего класса Европы против фашизма.

— Противостоять троцкистской дезинформации, ясно выделяя различия в наших позициях.

— Усилить сотрудничество с коммунистическими партиями Европы, координируя действия против растущего фашистского влияния.

Европейский рабочий класс стоит перед решающими вызовами. Наша задача — обеспечить его мобилизацию в борьбе против фашизма и внутренних разногласий.

С коммунистическим приветом,

[подпись]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Все там же и где-то в Париже.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мавзолей. Ленин лежит. Сталин сидит рядом на стуле. Входит сотрудник института в белом халате.

Сотрудник. Все в порядке, Владимир Ильич? Или прибавить кислород?

Ленин. Нет, достаточно. Спасибо, голубчик.

Ленин садится.

Сталин. Здравствуй, Владимир Ильич! Рад видеть!

Ленин. Да уж, пожалуй. Как ты? Здоров?

Сталин. Здоров-здоров.

Ленин. Ну и хорошо. Вот как время бежит. Давно не виделись.

Сталин. Давненько. И воды утекло порядочно.

Ленин. Ты укрепился, я смотрю, изрядно. Географию страны изменил, новые названия городам дал. Зачем?

Сталин. Мало кто понимает в пространственном управлении. Я понимаю. По моей теории следует менять ландшафты, границы внутренних территорий, создавать новые республики и города. А старым, разумеется, менять названия. Новая страна. Не знакомая никому.

Ленин. Это я понял. То есть ты считаешь, что внутренней повестки достаточно. Будешь строить коммунизм в отдельно взятой стране?

Сталин. Окруженной кольцом врагов. Ну, как мы и хотели. Я внутри, а вы снаружи. Я вам вот Троцкого выдал наружу. Чтобы он мировой революцией занимался. Что не так?

Ленин. Да пока не пойму до конца, но что-то не так. Проект буксует, и я не понимаю, почему.

Сталин. Не знаю. У меня все под парами. Индустриализация. Американцы строят заводы. Количество пролетариата растет. Коллективизация: превращаю крестьянина в пролетария. Таким образом, рабочий класс становится абсолютно доминирующим в социуме.

Ленин. Да вижу.

Сталин. Ну и армия, конечно. Могучая, непобедимая. Будем тренироваться на Дальнем Востоке. С японцами и китайцами.

Ленин. Твоя повестка понятна. А почему задерживаешь ресурсы для моего проекта? Хочешь, чтобы я искал деньги в других местах? Я найду. Но тогда все пойдет совсем не так, как планировали.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Продолжение встречи в мавзолее.

Сталин. Да нет, это бюрократия просто. Коминтерн готовит такие документы, что у меня ресурсов не хватит. Запросы у них адские.

Ленин. Ресурсы нужны, по объемам можем еще раз сметы посмотреть. Меня сейчас даже не объемы волнуют, а ритмичность поступлений. Так, как сейчас, — нельзя. Разберись с этим. *(Смотрит угрожающе.)*

Сталин *(поднимает руки и улыбается)*. Я все понял. Понял. Разберусь и напишу. Ты скажи лучше, с кем мы останемся на внешней арене. Мне куда двигаться? Я пока двигаюсь в сторону того, чтобы они все в Европе сами разобрались — без нас.

Ленин *(по-прежнему недовольный)*. Ты пока двигайся, как решил, потом подкорректируем, если что. Помни: на тебе страна. С ней не должно ничего случиться.

Сталин. День и ночь только об этом и думаю. Не переживай. Я постараюсь.

Ленин. И по спискам. Побыстрее работай по троцкистам. Нам кадры очень нужны. Расстреливай ты их уже побыстрее. Но без халавы. А то у тебя черт-те кого за троцкистов выдают для плана. Ты это брось.

Сталин. Человеческий фактор. Я приложу все силы, чтобы ускорить. Все понял, Владимир Ильич!

Ленин. Ну пока тогда, будем на связи. Непозволительно засиделись. Меня строго лимитируют с такого рода личными общениями. Извини.

Сталин. Ну что вы, что вы. Всего вам доброго.

Сталин уходит, свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кремль. Зал для совещаний. Малый Совнархоз или Политбюро. Или и то и другое вместе. Заседание идет уже давно.

Сталин. Со слов товарища Менжинского получается так, что троцкисты намеренно раскалывают Коминтерн и отбирают у нас вожжи. Этого мы не должны позволять.

Киров. Надо встречаться с руководителями Коминтерна и прояснять позиции.

Менжинский. Ну, это дело нехитрое, они уже все давно в Москву перебрались и в Европу ездят, как в командировку. Сейчас и Кун, и Радек в Москве, например. Димитров только вот уехал.

Бухарин. Да, можно собраться быстро. Но что мы им скажем? Почти все они связаны с Троцким. Всех их если мы репресслируем, то это резко ослабит наши связи с европейскими товарищами.

Менжинский. У нас много агентуры, которая способна заместить выбывающих. Но и имеющихся мы перевербуем с высокой степенью вероятности.

Сталин. Действуйте. Задача — избавиться от троцкистов в Коминтерне. И быстро. Иначе они утянут нас в войну. А мы ее разве хотим?

За столом все молча переглядываются.

Сталин. Ладно, закончим на этом, и так три часа просидели. Остальное — в рабочем порядке. Оформим протоколом наше решение и план мероприятий.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В Лондоне. Особняк. Гостиная или кабинет. Два джентльмена беседуют, сидя в глубоких креслах, куря сигары. И, конечно, коньяк присутствует. Беседа уже на середине.

Англичанин. И все-таки что происходит с Россией? Они думают отсидеться, пока мы тут перенастроимся или перебедем друг друга?

Француз. Я думаю, им сейчас мало интересен наш театр, они заняты своим. Советы активно занимаются индустриализацией. А то социализм есть, а рабочих нет. Не соответствует Марксу. Решили исправить положение.

Англичанин. Тонко. То есть вы считаете, что мы их не должны учитывать?

Француз. Ну почему. Они с удовольствием берут деньги у немцев за аренду своих полигонов, за сталь и за зерно.

Англичанин. Меня больше беспокоит нефть.

Француз. И это тоже.

Англичанин. Подытожим. Они косвенно помогают немцам. Но не имеют прямого интереса участвовать в европейской политике.

Француз. Вы другого мнения?

Англичанин. Не то чтобы, но деятельность Коминтерна немного не вяжется с этой благостной картиной. Коминтерн относительно оси зла выглядит, так сказать, демократическим институтом, а не приложением к тоталитарному режиму.

Француз. Отчасти вы правы, наверное, я тут немного не силен. Мне надо узнать больше про это. Видимо, вы глубже осведомлены. Если поделитесь, можем обсудить.

Англичанин. Давайте через неделю увидимся, я покажу кое-какие документы, а вы пока поройтесь у себя *(смеется)*: не верю, что у вас или ваших коллег ничего нет на этот счет.

Француз. Договорились.

Свет гаснет. Мы оставляем джентльменов продолжать.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Турция. Отель. Лобби-бар. Троцкий и мужчина, выглядящий как агент сразу всех разведок мира. Судя по всему, сидят уже давно.

Троцкий. Мне надо переместиться в Европу. Что тут непонятного. У меня вообще нет никаких документов. Кроме паспорта СССР. От которого все шарашаются. Неужели трудно это понять. Что мы топчемся вокруг этого уже столько времени? В чем трудность?

Мужчина. Мои боссы не понимают ваших целей. А когда они чего-то не понимают, они волнуются. У них поднимается давление, а дальше они ничего не хотят слышать.

Троцкий. Ну хватит, не мели эту чушь. Мы оба знаем, для чего я могу быть полезен. И ваши боссы об этом догадываются. Если нужно подписать какие-то бумаги, извольте — я подпишу. Только перестаньте нести эту ерунду. Я люблю конкретную работу и хочу ее делать. Она вам будет на пользу.

Мужчина. Вполне разделяю ваше нетерпение, но так устроен мир бюрократии, в который вы теперь попали, и другой дороги идти по нему нет. Привыкайте. Впрочем, вы уже влипли.

Троцкий. Куда я влип? Не вяжите мне руки. Наши цели совпадают, мы естественные попутчики. В чем дело?

Мужчина. Да не кипятитесь вы, на вас уже обращают внимание. Здесь, в Стамбуле, сейчас наводнение от обилия всех разведок вместе. Вы хотите, чтобы они перестреляли друг друга от нетерпения?

Троцкий. Я жду ответа до завтра.

Мужчина. Давайте встретимся на вокзале.

Троцкий. До завтра.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Поезд, идущий в Венецию или в Париж. Ну, в общем, в Европу. Троцкий и другой мужчина, как две капли похожий на того, что был с ним в отеле.

Мужчина. Ну что, дело сдвинулось. Не так ли?

Троцкий. Географически точно, да. Про все остальное — посмотрим. Мы помогли вам в Германии, теперь ваша очередь.

Мужчина. Что вы имеете в виду?

Троцкий. Я имею в виду вовлечение СССР в будущие дела Европы. Я не могу это сделать за вас.

Мужчина. Вот вы о чем. Не переживайте. Все пойдет своим чередом. Эти болваны наделают столько ошибок, что Сталин окажется втянутым и даже не заметит — как. Наберитесь терпения и продолжайте делать свою часть. Испания и Италия полностью на вас. Да и Франция тоже.

Троцкий. Да, работы страшно много. Вы обеспечите финансовую поддержку?

Мужчина. А что, старые друзья не помогают?

Троцкий. Этого недостаточно.

Мужчина. На будущий год устроим встречу в Норвегии. Надеюсь, там будут заинтересованные люди.

Троцкий. Хорошо. До следующего года я подожду.

Поезд едет дальше.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Америка. Комната для совещаний в Вашингтоне. Пять или шесть джентльменов за красивым дубовым столом.

Сенатор. Мы собрались здесь по просьбе казначейства. Они не понимают. С одной стороны, проблемы в экономике, с другой стороны, бюджеты зарубежных операций растут.

Представитель Госдепартамента. Да, у нас лавинообразно растут расходы в Европе, где, похоже, повторяется картина десятых годов, и мы там держим руку на пульсе лучше, чем в прошлый раз.

Представитель оборонного ведомства. Да вы уж держите. Тратите деньги, которые могли бы идти на размещение наших контингентов в Европе и на Ближнем Востоке. А так мы деремся с вами за каждую копейку.

Представитель казначейства. Мы вам потакать не будем, идите в конгресс: если они дадут добро, может быть, тогда мы поменяем точку зрения. В текущем бюджете деньги не предусмотрены. И да, на слушаниях мы будем против, имейте в виду.

Представитель Белого дома. Ну вот, все стороны прояснили позиции. Давайте я расскажу о позиции президента. Он считает, что операции наблюдения в Европе необходимы, и мы заинтересованы, чтобы вы нашли общий язык с конгрессом и получили дополнительные деньги.

Сенатор. Тогда я позволю себе подытожить. Мы идем в конгресс и просим дополнительные бюджеты. Аргументация за Госдепом, а информационная картина за разведкой, которой у нас как бы нет. Или есть, я не знаю. *(Смеется.)*

Все встают. Настроение мрачное. Но, похоже, от разного.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Коридор рядом с залом заседаний, где только закончилась встреча. Представитель Белого дома догоняет представителя Госдепа.

Представитель Белого дома. Джим, давай еще пару минут. Есть время у тебя?

Представитель Госдепа. Да, конечно, Джонатан. Для тебя — всегда.

Джонатан. Что все-таки происходит, можешь сказать?

Джим. Думаю, в Европе будет война, если эти идиоты продолжают идти по дороге, которую выбрали.

Джонатан. Наши действия? Как вы оцениваете?

Джим. Включенное наблюдение пока. Увеличение мощностей военной промышленности. Втягивание Советов в активную фазу. Это наш джокер.

Джонатан. А если Сталин не поддастся?

Джим. Ну, мы работаем над этим. Или ты хочешь, чтобы я тебе тут сейчас рассказал? *(Смеется.)*

Джонатан. Вы должны рассказать президенту прежде всего.

Джим. Я исхожу из того, что госсекретарь его формирует, и тебе советую делать так же. Если у тебя будут вопросы или сомнения, звони. Обещаю найти время.

Джонатан. Спасибо, Джим. До встречи.

Джим. Пока.

Выходят из здания.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Кабинет Ленина. Где-то в мавзолее. Ленин говорит по телефону.

Ленин. Вот ты мне скажи, ты чего делаешь-то? Скатился до какой-то просто крошечной, оголтелой пропаганды. Ну, ты не любишь Троцкого. И я не против. Но ты поставил раком работу Коминтерна. Все друг друга шугаются.

Трубка (очевидно, Сталин). Владимир Ильич, ну как-то само собой так пошло.

Ленин. Да какое там. Радеку кто яйца крутит? Мне все говорят, совещание ты специальное собирал и Кирову и Бухарину поручил работать с руководством Коминтерна на местах, разворачивать их от Троцкого.

Трубка. Ах, прощелыги. Ну, я этим покажу. А стучал, наверное, Зиновьев? Ну, он-то уже достучался. Во время мы его взяли. И до этих я доберусь.

Ленин. Остынь, Коба. Ты доиграешься. Будешь с голой жопой по Европе бегать, и никто не поможет.

Трубка. Да не нужен мне никто. Ты, Владимир Ильич, не бросай главное, а с остальными справимся.

Ленин. Сбавь обороты и скажи Щусеву, что не надо из мавзолея высотное здание делать. Что вы там громоздите? Мне помещения вниз нужны, а не вверх.

Трубка. Скажу. Это решим, конечно.

Ленин. Смотри в оба, Иосиф, не заигрывайся. Лагеря уже полны, и у меня народу достаточно. Притормози пока с дальнейшими репрессиями своими. Разошелся прям.

Трубка. Понял я. Но ты же знаешь, тормозить — это не заводиться. Завестись трудно, а остановиться почти невозможно. Но я стараюсь.

Ленин. И вот еще что, ты сына Ахматовой Анны Андреевны выпусти. Ну зачем? Она писала мне. Убивается, мужа мы у нее убили, а теперь ты за сына взял. Какого черта?

Трубка. Ладно...

Свет постепенно гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В основном конец тридцатых,
что не исключает флуктуации.
Места как обычно: Европа
и мавзолей с Кремлем.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Норвегия. Осло. Какой-то дом, утонувший в снегу. Горит камин. Приличное количество мужчин. Джентльмен из Стамбула приводит Троцкого и громко объявляет, представляя его. Все оборачиваются и начинают пожимать ему руки.

Британец. Итак, господин Троцкий, каков ваш план?

Троцкий. Мой план прост, господа, и много раз мной озвучен — перманентная мировая революция.

Американец. Это понятно. Но что вы предлагаете в текущем контексте нам? Мы ведь попутчиками можем стать. Разумеется, на некоторое время.

Троцкий. Я предлагаю втянуть Советский Союз как можно быстрее в назревающее в Европе. До того, пока Германия съест всех по очереди. Советы — единственная страна, способная сковать и зацементировать катастрофу, перевести ее в плоскость, когда можно будет говорить о новом устройстве мира.

Француз. Вы бы хотели место за столом для Советов?

Троцкий. Да, но с очень ограниченным количеством других участников. Если удастся, то просто разделить мир — на ваш и наш.

Британец. Лихо. Ну, посмотрим, как пойдет. Договариваться рано, а идти вместе, пожалуй, можно попробовать. Как, господа?

Американец. Вполне. Те бумаги, которые я видел, убедительны. Эта сделка, безусловно, обещает быть очень прибыльной.

Троцкий. Ну, кому что.

Британец. Обсудим кое-какие детали.

Свет гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет Ленина. Хозяин говорит по телефону. Очевидно, с Троцким.

Трубка. Да, мы договорились. Я перебираюсь в Мексику. Тамшний президент пригласил. Формальный повод — дружба с Фридой. Ну, так хотели американцы. Не у них, но рядом.

Ленин. Понятно. Учет и контроль собственности. (Смеется.) Ты им так и сказал: после разделим мир пополам?

Трубка. Как вы и хотели, Владимир Ильич! Такой же ваш план. Иначе мы никогда не продвинем идеалы социализма. Только раздел — и они не вмешиваются в наши территории.

Ленин. Ну, посмотрим. Но в целом рабочая ситуация. Теперь важно удержать Сталина на треке. Чтобы он не соскочил в свои бредни.

Трубка. Ну, это только вы можете. Другим не под силу. Главное, чтобы он сейчас оставил Коминтерн в покое. Хотя, в принципе, мы продвинулись уже так, что у него вариантов отвертеться и не будет.

Ленин. Да, история сама уже свое возьмет в любом случае, германцы на своей волне. Важно, чтобы осталось, из кого коалицию потом делать.

Трубка. Да-да, это самое важное. Но я тут постараюсь американцев шевелить. Попробуем ускорять, как только можно. Успех проекта только в скорости теперь.

Ленин. Согласен. Ладно, отбой. Занимайся, Лев Давидович! Успеха всем нам. Решающая фаза.

Отключился. Свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кремль. Кабинет Сталина. В кабинете Берия и Наум Эйтингон. Сталин сидит за столом, эти двое стоят.

Сталин. Я вас спрашиваю: когда будет решен вопрос с Троцким? Вы мне какие обещания давали? Что вообще происходит? Эта работа по Коминтерну какая-то бесконечная.

Берия. Ну, он последний у нас из списка. Димитрова решили же пока оставить?

Сталин. Кто-то нужен пока для представительства формального. А вы, Эйтингон? Что скажете вы?

Эйтингон. Есть отличный результат. У нас частичная запись его встречи в Норвегии.

Сталин. Оставьте, я послушаю. Где он теперь?

Эйтингон. В Мексике, товарищ Сталин. Американцы устроили ему прикрытие. Фрида Кало — известная художница — попросила, и тамошний президент лично пригласил. Теперь он их гость и все такое.

Сталин. В общем, надо заканчивать. Он нас окончательно с немцами поссорит. А нам этого совсем не надо. Я не хочу втягиваться в эту европейскую неразбериху. Кто с кем и для чего — не поймешь.

Берия. Точно так, товарищ Сталин. Будем стараться выполнить ваш приказ как можно быстрее.

Сталин. Жду. Идите уже.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Берии на Лубянке. Берия и Эйтингон вернулись от Сталина.

Берия. Ну, что делать-то будем, понятно нам?

Эйтингон. Да технически-то — да, а стратегически — не очень. Рвем нити с потенциальными союзниками, если завертятся все в другую сторону.

Берия. Да, понятно. Можем мы как-то связи Троцкого перехватить? Какого-то своего человека к нему подставить. А главное, не к нему, а от него — к британцам, а лучше американцам.

Эйтингон. В том-то и дело, что нет никого подходящего. Легенда нужна глубокая. А мы всех... ну, сами знаете.

Берия. Да уж, и до нас постарались, и мы, чтобы не отстать, тоже не тормозили.

Эйтингон. Разве что Кэннона попробовать. Есть такой один американец. Они же новый, Четвертый интернационал теперь организовали в противовес Коминтерну. Вот он этим и занимается.

Берия. Ты его пробовал вербовать?

Эйтингон. В процессе.

Берия. Давай тогда процессы запараллель — и вперед. Нужна страховка.

Эйтингон. Понял. Разрешите идти?

Берия. Иди, работай.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Мавзолей. Ленин лежит на обычном месте, Сталин сидит на стуле. Входит сотрудник института в белом халате.

Сотрудник. Не беспокоит ничего, Владимир Ильич? Уже можно говорить.

Ленин. Да, спасибо. Вроде все нормально.

Сотрудник уходит.

Ленин. Ты зачем в Финляндию-то полез? Совсем ополоумели?

Сталин. Спонтанно получилось. Ворошилов с Будённым всё рвали на себе гимнастерки. А мне не до этого было.

Ленин. Конечно, ты же Троцким занимался. Надо бы тебя разжаловать, к чертям, да время горячее, нет времени на другого сейчас.

Сталин. Я все поправлю.

Ленин. Как? Ледоруб из башки у Троцкого вытащишь? Ты контакты теряешь — в то время, когда проект входит в завершающую стадию. Ты это понимаешь? Сейчас от твоей выдержки все будущее коммунистического движения зависит. Сделаем мы шаг, огромный шаг вперед или нет. А ты чем занимаешься? Все о вождизме своем печешься? Достаточно ли блещит?

Сталин. Все не так плохо. Я справлюсь.

Ленин. Вы связь там держите через Кэннона, он тему знает. Слава богу, успели дублера подготовить, знали, на что ты способен, подстраховались.

Сталин. Спасибо, Владимир Ильич! Вы настоящий вождь мирового пролетариата! Вы и только вы! А мы что — просто ваша пехота.

Ленин. Ладно-ладно, разошелся. Война начнется. Твоя задача — победить. Любой ценой. На кону будет весь мир. И мы должны получить его часть. Как можно больше.

Сталин. Буду торговаться за каждый метр. Все сделаю.

Ленин. Террор сворачивай. Всех толковых армейцев выпускай — и в строй. НКВД осади, не время сей-

час. Используй Финляндию для налаживания отношений со Штатами.

Сталин. Понял, Владимир Ильич.

Свет гаснет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Кабинет Берии. Звонит телефон.

Берия. Слушаю. Это ты, Георгий? Что у тебя?

Маленков. Я насчет похорон.

Берия. Каких похорон?

Маленков. Товарища Сталина. Будем в мавзолее класть или у Кремлевской стены?

Берия. Ты чего, заболел? Я только что у него был. Жив и здоров. Что с тобой, Георгий?

Гудки.

Берия. Странно. Кто это был?

Маленков. Куда я попал, интересно? Не может же быть такого. Ну, чтобы так.

Свет гаснет.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Мавзолей. Кабинет Ленина. Ленин разговаривает по телефону. Похоже, с Кэнноном.

Ленин. Да, я видел сводки, они впечатляют. Масштаб позволяет ожидать большого приращения количества стран, которые выберут социалистический путь развития. Думаю, революция вступит в следующую фазу, получит новое качество.

Трубка. Согласен с вами, Владимир Ильич. И вот еще что. На меня вышли люди Берии. Судя по всему, в обход Сталина.

Ленин. А как они вас нашли?

Трубка. Наверное, рылись в связях Троцкого перед убийством и засекли меня. Предлагают сотрудничество и помощь во всех моих делах. Говорят, что дело Троцкого надо продолжать.

Ленин. Страхуются. Умные. Ну что же, и мы подстрахуемся. Контактируйте и взаимодействуйте до известных пределов. Слейте возможные варианты послевоенного устройства. Утопите в надеждах.

Трубка. Понял, Владимир Ильич! Отключаюсь, и так перебрал. Спасибо, что нашли время.

Отключился.

Ленин (*сидит в раздумьях, потом восклицает*). Вот сукины дети! Во все варианты раскладывают. (*Смеется*.) А Коба недооценивает своих молодцов. Или это он меня так крутит. Перевербовал Кэннона и дует мне в уши. Как интересно.

Темнеет.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Тегеран. Резиденция посла. Сталин и Черчилль. Сидят в креслах.

Черчилль. Ну, какие планы, маршал? Думаете, как мы поделим Европу?

Сталин. Думаю, премьер-министр, думаю. В целом понятно. Сколькие места — Германия и Балканы. У вас-то список есть или еще со стариком Рузвельтом не обсуждали?

Черчилль. Мы должны выработать правила, мне кажется, а остальное — дело техники.

Сталин. Правила простые. Я называю страны. Мы их освобождаем. Там побеждают коммунисты на выборах. Ну, как в Прибалтике перед войной. Отработоранный принцип.

Черчилль. Принцип понятен. Не лезем друг к другу. Формальное право старшего в вашем лагере за вами, и если есть вопросы, то к вам, а не к ним. Так я понимаю?

Сталин. Совершенно верно. Приятно иметь с вами дело, премьер-министр.

Черчилль. Тогда в следующий раз поговорим предметно, раз с принципами разобрались. Всего вам доброго!

Сталин. А на посошок? Коньячку?

Черчилль. Что ж, не откажусь. Вы знаете мою слабость. А ваша какая?

Сталин. Табак.

Черчилль. Понятно.

Продолжают болтать и выпивать. Свет постепенно гаснет.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Мавзолей. Ленин на обычном месте. Рядом на стуле сидит Сталин. Все привычно, по-домашнему. Входит сотрудник.

Сотрудник. Все удобно, Владимир Ильич? Голова не кружится?

Ленин. Все в порядке, спасибо, голубчик.

Сотрудник кивает и уходит.

Ленин. Поздравляю, товарищ маршал! Или вы уже теперь генералиссимус? Завоевали Европу. Перманентная революция Троцкого все-таки продолжилась, так?

Сталин. Спасибо, все благодаря вам, Владимир Ильич. Если бы тогда не разделились, если бы вы не придумали эту гигантскую каверзу, ничего бы этого не было. Поэтому граждане знают: дело Ленина живет и побеждает! Теперь они это видят и в мировом масштабе.

Ленин. А кто все-таки придумал лозунг «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», а? Уж не ты ли? Или кто-то еще знал?

С т а л и н . Народ чувствует, ему знания не нужны — наш народ живет чувствами.

Л е н и н . Теперь задача твоя — закрепиться на новых территориях. Внедряй наши идеи и готовься к серьезному прессингу. Они захотят реванша. Они еще не поняли, но поймут. И захотят.

С т а л и н . Уже не сладко, а скоро будет прям жарко. Все наши так думают. Поэтому разврат и пьянство. От радости и со страху. Простор и радуется, и смущает одновременно неокрепшие души.

Л е н и н . Выбирай покрепче. Иначе все наши усилия прахом. Не проспи теперь. Не теряй бдительность. Ищи кадры. Готовь. И сам готовься.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Западный Берлин. Кладбище. Старое. В центре где-то. Б е р и я и Д ж е й м с К э н н о н . Ходят среди могил.

Б е р и я . Все как-то слишком гладко.

К э н н о н . А что вас смущает? Не хотите встречаться — не надо. Такого обязательного условия нет. Меня

лишь просили передать, что если вы будете медлить, он вас опередит.

Б е р и я . Вы кидаете меня буквально в пасть.

К э н н о н . Мне говорили, у вас все в руках.

Б е р и я . Так у нас никогда не бывает, хотя, конечно, нынешний состав оркестра вполне подходящий.

К э н н о н . Единственное условие. Вы не можете быть формально первым лицом. Кто сейчас второй номер в иерархии?

Б е р и я . Это понятно. Я подготовил. Маленков. Идеально подходит. Хозяину нравится. Все хорошо.

К э н н о н . И вот еще что: не кладите Сталина в мавзолей. Не совершайте такой ошибки.

Б е р и я . Ладно, а в чем дело? Они бы хорошо смотрелись вместе — два вождя.

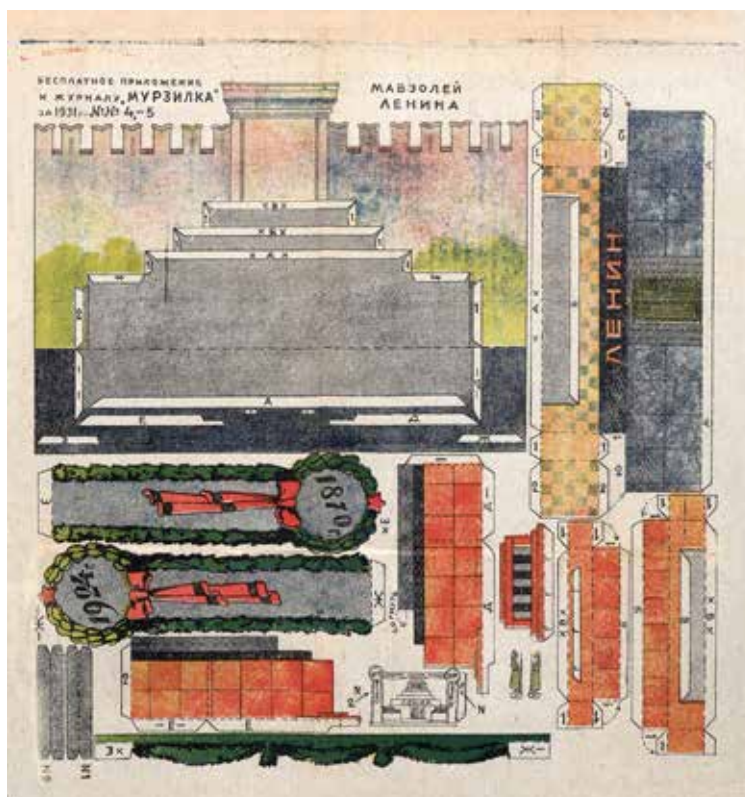
К э н н о н . Ну просто не делайте так, и всё. Договорились?

Б е р и я . Я подумаю.

К э н н о н . Ну, разумеется.

Солнце стояло в зените. Зима была на исходе.

КОНЕЦ

Склей Мавзолей сам.
Журнал «Мурзилка»,
№№4-5, 1931

Осень

Лев Толстой как идейный противник прогресса

Александр Мелихов

Толстой до такой степени презирал земной успех, что на вершине всероссийской славы и на пороге еще более огромной всемирной он писал с пренебрежением: ну, сделаешься более знаменитым, чем Шекспир или Гомер, и что, — все равно умрешь. С почтением он произносил лишь имена создателей религиозных вероучений — Будды, Христа, Сократа, Конфуция... В их ряду он себя и мыслил.

Но когда на Международной выставке его включили в «шестствие мудрецов» наравне с Сократом, Конфуцием и прочими Учителями человечества, Лев Николаевич лишь покривился: они из всего сделают комедию.

Явление Толстого Западу произошло в такую пору, когда уже отчетливо выявились, что цивилизация есть движение от дикости к пошлости: все титаническое нейтрализуется в качестве курьеза и утилизируется в качестве шоу.

Срыватель всех и всяческих масок был прав: его идеи не породили никакого заметного европейского толстовства, а разве лишь сказку о многотерпеливом народе Платонов Каратаевых (разом рухнувшую вместе с империей).

Лев же Николаевич отнюдь не намеревался поразить мир своим ар-

Цивилизованный мир напрасно пропустил мимо ушей урок Толстого: социальный прогресс невозможен в отрыве от неба и земли.

хаическим титанизмом или очаровывать сказками — он всерьез желал увести его и прежде всего Россию с того пути, который и сегодня считается магистральной дорогой человечества.

Толстой не видел оснований считать рациональным (разумным) тот образ жизни, который отнюдь не делает людей счастливее, да еще и несет с собою в лучшем случае взаимное отчуждение, а в худшем ненависть, доходящую до внутренних и внешних войн. У нас, у России тоже, казалось бы, мало причин обожествлять «прогресс», пролегающий через Гулаг и Освенцим, через Сталинград и Хиросиму в полную неизвестность. Но все-таки если бы мы пожелали отыскать ту дату, после которой все попытки свернуть с «общечеловеческого пути» уже были трачены завистью к более удачливому «золотому меньшинству», это был бы год смерти Толстого.

Его аристократическое отвращение к успехам либеральной ци-

вильзации уж никак не было отращением лисицы к незрелому винограду — русский гений презирал «прогресс», взирая на него исключительно сверху вниз.

На Западе прогремели главным образом те «анархические и нигилистические» взгляды позднего Толстого, за которые он был отлучен от Нобелевской премии, — как же это можно всерьез отрицать и государство, и церковь, и собственность, и брак в его тогдашнем (а тем более нынешнем) состоянии!

Однако Толстой еще и в пору первой серьезной российской либерализации рубежа шестидесятых в собственном журнале «Ясная Поляна» высказывался о прогрессе и либерализме очень даже нелицеприятно. Начиная с самого святого — с университетов: их-де было бы совсем неплохо уничтожить, ибо университеты дурны.

«Никто никогда не думал об учреждении университетов на основании потребностей народа. Это

было и невозможно, потому что потребность народа была и остается неизвестной. Но университеты были учреждены для потребностей отчасти правительства, отчасти высшего общества, и для университетов уже учреждена вся подготавливающая к ним лестница учебных заведений, не имеющая ничего общего с потребностью народа. Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя, — для приготовления их основаны университеты. Теперь для высшего общества нужны либералы по известному образцу, — и таких готовят университеты. Ошибка только в том, что таких либералов совсем не нужно народу».

Из университетских студентов выходят «или чиновники, только удобные для правительства, или чиновники-профессора, или чиновники-литераторы, удобные для общества, или люди, бесцельно оторванные от прежней среды, с испорченною молодостию и не находящие себе места в жизни,

так называемые люди университетского образования, развитые, т.е., раздраженные, больные либералы».

«Кто та малая часть, верующая в прогресс? Это так называемое образованное общество, незанятые классы... Кто та большая часть, не верующая в прогресс? Это так называемый народ, занятые классы. ... Прогресс тем выгоднее для общества, чем невыгоднее для народа».

«Чем более человек работает, тем более он консерватор, чем менее он работает, тем более он прогрессист».

Вы, нынешние, — ну-тка! Этот консерватор и правительство, и дворянство заносит в прогрессисты, а в консерваторы — «мужика-земледельца, чиновника на месте, фабричного, имеющего работу». А все потому,

что гармонию Толстой считал более важным качеством, чем развитие, ибо утрата гармонии есть утрата счастья, ощущения своей жизни правильной и разумной.

Птица, коза, заяц, волк должны кормиться, «множиться»,

кормить свои семьи, и человек должен точно так же добывать жизнь, с тою только разницей, что он погибнет, добывая ее один, ему надо добывать ее не для себя, а для всех. «И когда он делает это, у меня есть твердое сознание, что он счастлив и жизнь его разумна». Это уже зрелый Толстой эпохи «Исповеди».

Консерватизм Толстого — стремление вернуться не к какому-то «старозаветным», но прямо к биологическим началам бытия. Но как же заканчивается его потрясающая «Исповедь»? Ему снится, что он висит над бездонной пропастью, и он понимает, что если будет смотреть вниз, то соскользнет в бездну. И он начинает смотреть в небо — и сосредоточенность на бездне вверху спасает его от ужаса перед бездной внизу.

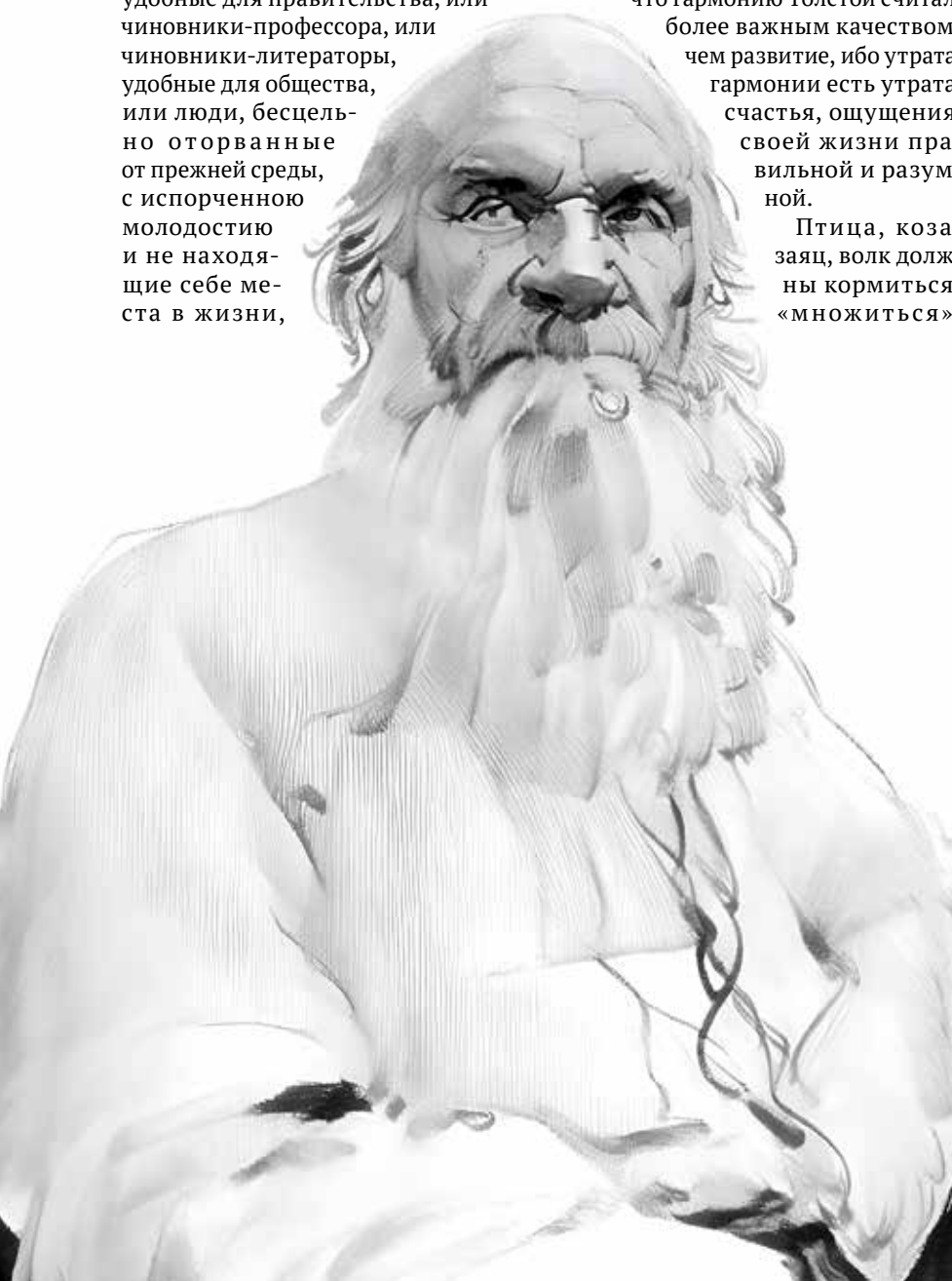
Небо спасает от ужаса перед землей! Толстого можно упрекнуть, что, избирая для себя защитой небо, прочим смертным он предлагает уподобиться животным. Однако можно и усмотреть в его судьбе намек на уникальное свойство классической русской культуры: в ее наиболее мощных образцах высокое, небесное верит в силу и мудрость земного и часто даже готово служить ему.

И при всех в том числе и справедливо уничижительных словах о русском мессианстве приходится признать, что цивилизованный мир напрасно пропустил мимо ушей урок Толстого: социальный прогресс невозможен в отрыве от неба и земли, от метафизического и первоэтого.

И если бы мы пожелали найти ту дату, после которой модернизационный порыв российской цивилизации остался без авторитетного представительства архаики и метафизики, я бы предложил год 1910-й — год ухода Толстого, власти земли и власти неба.

Но отвергнутые биологические основы и грезы о бессмертии мстят падением рождаемости, упадком жизненного тонуса — или возведением политических химер в ранг светских религий, с неизбежностью ведущих к религиозным войнам.

Воображающих себя воинами «за интересы». ❦

Белые пятна Земли Санникова

Пересматривая советский фильм 1973 года

Клара Шох

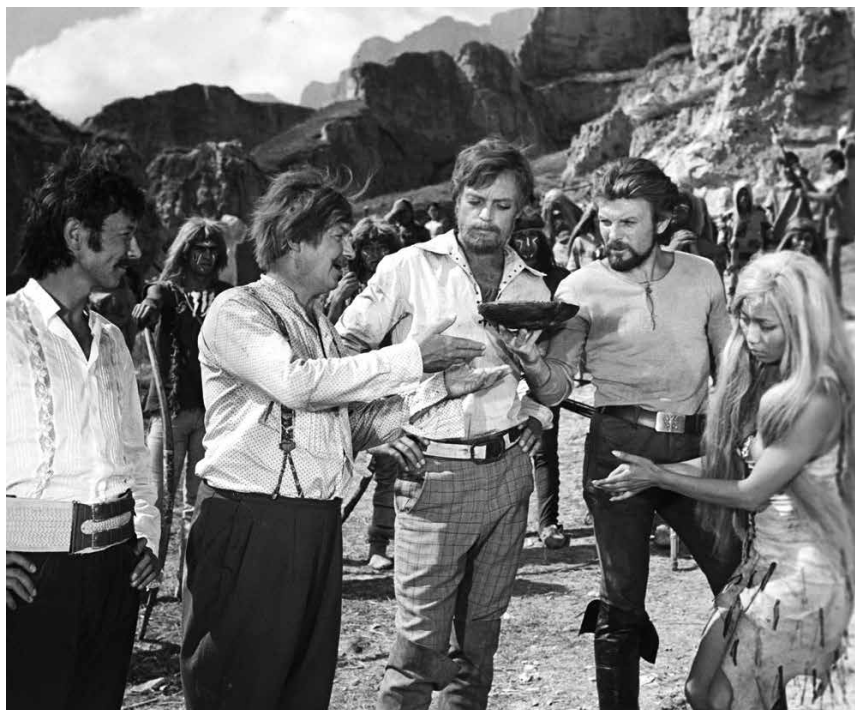
Кто родился еще при СССР, наверняка помнят приключенческий фильм, снятый по мотивам одноименного романа Владимира Обручева в 1973 году, — «Земля Санникова» (режиссеры — Альберт Мкртчян и Леонид Попов).

Несмотря на то что в кинокартине не сыграл Владимир Высоцкий (Крестовского), а утвержденный на роль беглого каторжанина Губина Сергей Шакуров обвинил режиссеров в дилетантстве (в итоге эту роль сыграл Юрий Назаров), картина имела огромный успех у зрителей. А песня «Есть только миг» в исполнении Олега Анофриева (за кадром) мгновенно стала хитом.

В этом кинофильме прекрасно всё, кроме одного — странного поведения вождя, его сына и некоторых свободных онкилонок, кстати, блондинок.

В контексте киноленты говорится, что племя онкилонов ушло от злых людей на север, куда летят каждый год перелетные птицы. А через четыре года, в начале XX века, их землю находит экспедиция Ильина (актер Владислав Дворжецкий). На секунду — ссыльного поселенца. Скромное обаяние царизма.

При этом целью экспедиции провозглашается поиск золота. Поход не только финансируется золотопромышленником Перфильевым,

но и в качестве надзорной инстанции за участниками похода отправляется слуга предпринимателя Игнатий (актер Георгий Вицин).

Вот даже чисто теоретически что может такая экспедиция принести народу (племени), если на территории поселения найдут золото?

Правильно. В лучшем случае раздачу бус и создание резерваций, чтобы не мешались. В худшем — геноцид и депортацию.

Согласно сюжету, это понимает только шаман онкилонов (актер Махмуд Эсамбаев), который требует физического устранения искателей приключений. К слову, нельзя не отметить пластическую эстетику «зла» в исполнении великолепного чеченского танцовщика, артиста балета Махмуда Эсамбаева. Кто его не видел, советую посмотреть Танец солнца.

Кроме того, учитывая, что племя живет замкнуто уже в течение четы-

рехсот лет, идентичность онкилонов по месту и времени сложилась исключительно в этих условиях, как культура, в которой человек родился и живет. Если брать философскую интерпретацию — коллективное бытие человека перед лицом смерти: откуда пришли предки, где сейчас находятся и что будет дальше. При том, что у онкилонов и у людей с Большой земли кроме мест проживания — разное время, разный пространственно-временной континуум, разная реальность. Онкилонское общество живет в пещерах, стреляет стрелами и добывает огонь трением. Ну а пришельцы уже со спичками и пистолетами.

Разумеется, и сакральность разная. Монотеизм или атеизм путешественников против тотемов племени — в виде духов земли и долины предков. Несомненно и то, что племенная община онкилонов охраняет и продлевает себя в вечности (продолжение рода). Имеет свой язык, что в фильме не очевидно (пришлось бы утяжелить сценарий толмачами или сурдопереводчиками), но понятно.

Наконец, у них есть земля с уникальным климатом, что даже запариваться с одеждой не надо. Народ выглядит вполне счастливо.

«Чего ж тебе еще надо, собака?» — как бы вопрошает шаман народ и вместе с ним я.

С чего вдруг такая любовь к пришельцам. Быстрый огонь? То есть вождь решил отдаться в руки правосудия понаприехавших за блага цивилизации, от которой предки ушли четыреста лет назад? Где-то здесь погибла и зарыта логика.

И ладно бы, если это первые поиски Земли Санникова. Судя по черепам, проведать онкилонов уже заходили.

Что касается блондинок, то тут, как говорится, слава богу, не одним Брэдом Питтом единым — были и в СССР не просто красивые, а харизматичные мужчины. О чем Крестовский в исполнении Олега Даля спойлерит в самом начале фильма, когда рассказывает о своем пребывании в Турции: «Мусульманские женщины в экстазе срывали с себя чадру».

Но при этом Аннуир (онкилонка, увлеченная Ильиным) называет предмет страсти исключительно чужим человеком. Даже когда Ильин говорит ей: «Не называй меня — чужой человек», она отвечает: «Хорошо, чужой человек». И это правильно. Институт чужести был издревле. Отсюда — чужестранец. Это был не всегда враг, но иной, не свой. Ему могли оказывать всяческие почести, если он не покушался на текущий уклад жизни сообщества (не лез со своим уставом в чужой монастырь), но и не сближались, как правило.

Ну, подошло время выложить результаты экспедиции Ильина.

1) Золото нашли в огромных количествах, причем ослепленная внезапно нагрянувшей любовью Аннуир своими ногами к нему привела, не смущаясь, что у предков глаза выплаканы от его вида. Вот это я понимаю — пришел, увидел, победил золото. Буквально за 72 часа. Насчет того, как золото онкилонов было бы освоено, у меня иллюзий нет.

2) Куча трупов со стороны коренных жителей. В том числе высокопоставленных: вождь и шаман. Чужаки отделались одним.

3) От выстрелов револьвера началось землетрясение (кстати, скорее всего тоже с человеческими потерями), после которого Земля Санникова стала остывать и всем онкилонам грозит смерть.

И это всё за коробок спичек?

Не слишком ли высокая цена за прогресс?

Вернется ли спасательная экспедиция за ними — бог весть. Но даже если вернется, то их эвакуируют. Вряд ли на Большой земле онкилонов ждет сказочная жизнь.

Зато для российского золотопромышленника поход Ильина решил задачу комплексно — вот вам и золото, вот вам и эвакуация, сиречь депортация местного населения. Даром, что слуга погиб. Ну так что же, лес рубят — щепки летят.

Вот и поверишь в шамана. Он ведь единственный был прав. А как всё красиво начиналось.

И как теперь с этим жить? Мне, грезившей о двоих сразу — Крестовском и Ильине — почти всю вторую четверть третьего класса. 🐾

Про сливовидность

Случай в магазине

Глеб Сташков

В овощном магазинчике женщина-покупатель спрашивает женщину-продавца:

- Откуда помидоры?
- Из Белоруссии.

Пауза. Раздумья.

- А они хорошие?
- Хорошие.

Пауза. Раздумья.

— А вкусные? (Нет, блин, хорошие, но невкусные!)

— Конечно, вкусные, — отвечает женщина-продавец. — Они же сливовидные.

Женщина-покупатель погружается в совсем тягостные раздумья.

— А точно?

— Совершенно точно, — встречаю я, — их сливовидность очевидна, она видна невооруженным глазом.

Женщина-покупатель недоверчиво посмотрела на меня и ушла. Ничего не купила.

Не надо, наверное, было говорить «невооруженным глазом» — я же в очках. 🐾

Откуда взялся баян и почему петербургские баянисты — особая каста

Екатерина Виноградова

Принято считать, что между Петербургом, Москвой и другими городами существует некоторое соперничество касательно того, где именно был изобретен баян и где он получил свое признание как инструмент не только народный, но также академический и серьезный. Екатерина Виноградова выясняла историю баяна у Владимира Орлова, профессора, декана факультета народных инструментов Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

ОДНОЗНАЧНО ПЕТЕРБУРГ

За право обладания почетным званием родины одного из самых русских инструментов, «души русского народа» — баяна — действительно борются Москва, Самара и другие города. Но всё это — не более чем тщетные попытки исказить историю и смутить общественное сознание.

Баян был придуман и сконструирован именно в Петербурге, в 1907 году, недалеко от консерватории, на Лермонтовском проспекте, талантливым музыкантом Яковом Федоровичем Орланским-Титаренко и великолепным мастером Петром Стерлиговым.

Роль Орланского-Титаренко проявилась в способности обобщить накопленный десятилетиями опыт исполнительства и изготовления гармоник, но сделать это по-своему, с совершенно новым масштабом. Придуманная им и воплощенная Стерлиговым конструкция аккумулировала лучшие качества разных видов гармоник (хроматическая клавиатура, полный набор

бас-аккордового аккомпанемента, одинаковые звуки на сжим и разжим меха, большой диапазон, певучий звук, удобный корпус, диагональное расположение кнопок) и существует уже больше столетия.

Само название «баян» тоже придумал Орланский-Титаренко. С тех пор ведется работа лишь по улучшению качества, но сам принцип остается неизменным.

Что касается профессионального исполнительства и образования — именно в Петербурге в 1926 году прошел первый профессиональный конкурс баянистов под председательством выдающегося русского

композитора Александра Глазунова. А в 1927 году впервые в мире на базе нынешнего училища имени Н. А. Римского-Корсакова (тогда — III Государственного Музыкального техникума) открылся класс баяна, руководителем которого также стал Орланский-Титаренко.

ОТКУДА ЧТО ПОШЛО

И баян, и аккордеон происходят от так называемого «аккордеона Дамиана», запатентованного в 1829 году, — простейшей первой гармоники с пятью клавишами справа и двумя — слева. В дальнейшем австриец Кирилл Дамиан (1779–1847) производил усовершенствования изобретенного инструмента, в том числе увеличил количество клавиш правой клавиатуры и отказался от воспроизведения ими аккордов.

В Европе все разновидности гармоник до сих пор называют аккор-

Баян был признан инструментом рабочих и крестьян, внедрялся в систему музыкального образования и идеологически встраивался в культурную политику.

деонами вне зависимости от расположения и формы клавиш — отсюда и некоторая путаница в терминологии. Даты появления клавишного аккордеона в современном понимании (то есть с фортепианной клавиатурой в правой руке) — нет и не может быть. Независимо друг от друга на рубеже XIX–XX веков разные фабрики путем экспериментов с конструкцией приходили к удлинненной форме клавиш и их расположению. Существовали и русские прообразы аккордеона: елецкая рояльная гармоника или первая хроматическая гармоника Белобородова.

В России до революции разные конструкции гармоник, баян и аккордеон развивались и совершенствовались параллельно. Но, несмотря на близкое родство этих инструментов, в Советском Союзе аккордеону повезло меньше: если баян был признан инструментом рабочих и крестьян, внедрялся в систему музыкального образования и идеологически встраивался в культурную политику, то аккордеон долгое время оставался, скорее, атрибутом музыкальной самостоятельности.

На Западе ситуация иная: оба инструмента объединяются одним понятием — «аккордеон»: клавишный или кнопочный. Во Франции, например, больше распространены баян (кнопочный инструмент), в Прибалтике — наоборот, повсеместно встречается только аккордеон.

Во Франции, как и в других странах, свои кнопочные гармоники появились и начали развиваться после Дамиана. Но понятие «баян», «сдобренное» триумфальными победами советских баянистов, стало настолько хорошо известно, что подчас кнопочную гармонику и на Западе стали называть баяном — это слово стало настоящим советским и российским брендом, шагнувшим на мировую арену.

НАШИ ШКОЛЫ

Петербургская школа всегда обладала уникальным стилем — это касается и репертуара с опорой на классику, и непосредственно звука, особой манеры игры. Конечно, глобализация, культурные связи между школами, городами и стра-

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ВИКТОР БОГОРАД

нами приводят к некоторому сближению. Однако петербургские исполнители — особая каста. Их отличает внешняя сдержанность в сочетании с вниманием к глубине, тонкости и качеству звука, концепции, образному и смысловому наполнению. Эмоциональность выражается не столько во внешних проявлениях — мимике, жестах исполнителя, — сколько в самом звуке.

Свои школы сформировались в Новосибирске, Москве, Киеве. Отдельно от них развивалось аккордеонное искусство за железным занавесом. Под «школами» в данном случае подразумеваются традиции

преподавания, выбор репертуара, особенности техники. Отличается мышление, понимание музыкальной формы, постановка рук и инструмента, штрихи. Сейчас границы размываются — так называемые «школы» чаще формируются вокруг конкретных преподавателей и мастеров баянно-аккордеонного искусства.

Но все равно исторически и географически сложившиеся отличия продолжают проявляться в игре музыкантов из разных городов и стран — иногда эту разницу даже трудно вербализовать, просто, например, московских, новосибирских, белорусских исполнителей бывает буквально «слышно». ♣

ПОРА В МУЗЕЙ

«Представьте ситуацию: к вам приехал знакомый из другого города, никогда не был в Русском музее. Что нужно обязательно там увидеть?» С таким вопросом автор этого исследования обратился к своим знакомым. Больше половины опрошенных главной картиной музея, обязательной к осмотру, назвали «Последний день Помпеи» Карла Брюллова.

Русский музей — крупнейший в мире музей русского искусства. Его коллекция насчитывает более 400 тысяч экспонатов.

Карл Брюллов
«Последний день Помпеи» (1833)
465,5×651 см

56% опрошенных считают, что в Русском музее необходимо посмотреть эту картину.

Иван Айвазовский
«Девятый вал» (1850)
221×332 см

36% опрошенных включили «Девятый вал» в список шедевров музея, обязательных к осмотру.

ЧТО ЕЩЕ НАЗЫВАЛИ (ОТ 5 ДО 20% ОПРОШЕННЫХ)

Архип Куинджи
«Лунная ночь на Днепре»

Илья Репин
«Бурлаки на Волге»,
«Запорожцы»

Виктор Васнецов
«Витязь на распутье»

Иван Шишкин
«Корабельная роща»,
«Утро в сосновом лесу»*

Казимир Малевич
«Черный квадрат»,
«Красная конница»

Андрей Рублев
Иконы «Апостол Петр»
и «Апостол Павел»

Валентин Серов
«Портрет Иды Рубинштейн»

Михаил Врубель
«Летающий демон»

Павел Филонов
«Формула петроградского пролетариата»

26% опрошенных посоветовали «Заседание Государственного совета».

«Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1903)
400×877 см

*НАХОДИТСЯ
В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ.

ИНФОГРАФИКА: ФЁДОР ШУМИЛОВ

Что хорошего можно сделать из ведра, марли и капельницы

Ирина Бондаренко

Из-за того что я каждый день вожу в город мешки яблок, руки у меня уже, как у гиббона. И главное, не уменьшаются. Сосед говорит: «Ставьте вино». На вопрос — а как это? — сказал: потом напишу. Пишет второй месяц — наверное, очень сложный рецепт. И я пошла к народу, в сельпо.

Спрашиваю любимую продавщицу, которая летом мне всегда гнилые абрикосы из фасовки вынимала и снова взвешивала уже без них: «А вы знаете, как сделать вино из яблок?» Продавщица сделала неестественно честные и круглые глаза и отвечает: «Да вы что, понятия не имею». Потом закрепила успех, повторив: «Никогда не делаю я никакого вина». И посоветовала: «Идите напротив, в хозмаг. Там купите большую емкость. Поставьте в нее сусло».

Сказано — сделано, прихожу в хозмаг. Захожу так же тупо, в лоб, потому что в игру еще не вникла. «Здравствуйте, а как мне сделать вино из яблок?» «Вино?» — удивилась продавщица ненатуральным голосом и тоже сделала большие глаза. «Из яблок? Нет, не знаю. Даже никогда не слышала про такое. Ну надо же — вино из яблок!» «Эх, — говорю, — ладно, дайте мне тогда вон тот ушат». «Нет, — отвечает, — вы тот ушат не берите, берите

Это оказалось увлекательней казаков-разбойников. Куда ни придешь, тебе дают следующую метку.

лучше вот это эмалированное ведро, одно осталось, все разобрали, потому что оно пищевое. Сверху марлей накроете. А марля продается вон в той аптеке за углом, там же и капельницы есть».

Короче, это оказалось увлекательней казаков-разбойников. Куда ни придешь, тебе дают следующую метку. Из аптеки меня отправили в игрушечный магазин за детским пластилином, а оттуда — на рынок, где сахар на 25 рублей дешевле магазинного. К концу игры по станциям я знала про домашнее яблочное вино в сто раз больше, чем про него написано в интернете. Даже то, что появление дрозоды — важная составляющая успеха и сигнал к снятию марли.

Слабым звеном в цепочке оказалась новая австрийская соковыжималка. Она не захотела участвовать в игре по станциям и просто не включилась. Справедливости ради скажу честно, что в инструкции неоднократно педалировалась тема о том, что соковыжималку должен собирать умный и взрослый человек. А где его берут, в инструкции не было сказано. 🍏

Сергей Есенин: убийство, замаскированное суицидом

Михаил Золотоносов

Есть три литературоведческих сюжета, по поводу которых споры не ослабевают из-за неубедительности официальных версий и невозможности доказать альтернативные ввиду отсутствия документов. Это, во-первых, проблема авторства «Тихого Дона», во-вторых, «Абрам Терц» как спецоперация КГБ СССР, начатая в 1956 г., и, наконец, в-третьих, детективная история смерти Сергея Есенина с оставшейся загадкой: самоубийство или убийство?

Речь в этой статье пойдет о третьем сюжете, а поводом для этой статьи стала публикация книги «Гибель С. А. Есенина: Проверка версии самоубийства. Материалы и исследования» (СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023).

Инициатором и основным автором издания стал известный исследователь истории авангарда Андрей Крусанов. Работая над третьим томом «Русского авангарда» (напомню, что в 2010 г. вышло второе издание первого тома в двух книгах, а в 2003 г. — второй том, также в двух книгах) и дойдя до истории имажинизма, Крусанов споткнулся об официально и бездоказательно объявленное 28 декабря 1925 года и с этого момента активно поддерживаемое государством (сначала СССР, затем Россией) самоубийство

поэта. Это повлекло за собой изучение всех известных сегодня обстоятельств и материалов, а итогом стала рецензируемая книга.

Забегая вперед, следует отметить, что изучение проблемы показало: нет ни одного объективного доказательства самоубийства Есенина в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года в пятом номере гостиницы «Интернационал» (так тогда назывался «Англетер»), зато обнаружилось, что практически все документы, которые относятся к смерти поэта, либо

не соответствуют инструкциям и содержат очевидные лакуны и противоречия объективным данным, либо были оперативно изъяты ГПУ и/или милицией. В результате возникли вполне обоснованные подозрения, что документы, имеющиеся в наличии, были в 1925–1926 гг. сфабрикованы, причем специально под официальную версию самоубийства. И эта фабрикация при ближайшем рассмотрении бросается в глаза, поскольку сделана небрежно, в полной уверенности, что правда в условиях тотальной цензуры все равно наружу не выйдет. То есть стоило критически проанализировать имеющиеся материальные объекты (посмертные маски), милицейские и медицинские документы, а также фотографии — и версия суицида оказалась под большим вопросом, а очевидные и необъяснимые лакуны и признаки фальсификаций вышли на первый план. Таков вкратце сюжет книги.

ПРЕЖНИЕ СЛУХИ И НЫНЕШНИЕ ВЕРСИИ

Книга состоит из двух разделов. Первый раздел открывает предисловие «Версии гибели С. А. Есенина». Кратко подводя итог 60-летнего изучения проблемы, Крусанов подчеркнул, что с 1925-го и до конца 1980-х годов официально считалось, что Есенин покончил с собой. С 1989 года начали публиковаться

материалы, которые ставили официальную, в точном смысле государственную, версию под сомнение.

Однако альтернативная версия существовала еще с 28 декабря 1925 года — есть соответствующие свидетельства поэтов Н. Л. Брауна и В. Ф. Наседкина, а также художника В. С. Сварога, который зарисовал мертвого Есенина после снятия его из петли.

Крусанов также разыскал и впервые опубликовал информационную заметку, опубликованную в рижской газете «Слово»:

«По Москве упорно циркулируют слухи, что поэт Есенин не покончил с собой, как гласит официальная версия, а отравлен чекистами. Самоубийство же было симулировано потом» (С. Есенин отравлен чекистами // Слово. 1926. № 43. 4 января).

Заметка доказывает, что версия убийства появилась сразу же после смерти Есенина.

В этой же заметке отмечалось:

«Следователь Семеновский, ведший дело в направлении убийства поэта, а не самоубийства, был отстранен от дальнейшего следствия и заменен другим. Из кругов, близких к покойному поэту, сообщают, что Есенин в последнее время сильно досаждал советской власти своими едкими сатирами на коммунистические верхи, причем эти стихи нелегально размножались и тайно ходили по рукам».

Упомянутый Семеновский Петр Сергеевич был судебным медиком, который работал в Мозздраве, НКВД и Московском судебно-медицинском обществе. По внешнему виду трупа он мог понять, что смерть поэта была насильственной.

Обзор доказательств убийства Есенина, собранных следователем, полковником милиции Э. А. Хлысталовым, который провел независимое расследование и обнаружил свидетельства в пользу убийства, а также констатировал отсутствие неоспоримых доказательств официальной версии суицида (всего Хлысталов издал в 1991–2006 гг. пять книг и брошюр, а его первые статьи были опубликованы в 1989 г.), Крусанов завершил описанием соци-

альных групп, которые вследствие политических причин отстаивают одну из двух причин смерти:

«1) государственные организации и ассоциированные с ними чиновники и служащие, обвиняемые в убийстве и сокрытии убийства С. А. Есенина. Правопреемники этих организаций вынуждены отстаивать всеми средствами версию самоубийства независимо от того, справедливы обвинения в их адрес или нет. Это их корпоративный интерес;

2) антисемитски настроенная часть национально-патриотических сил приписывает убийство Есенина троцкистам и использует эту версию как пример гонений на русских патриотов со стороны евреев;

3) антисталински настроенные интеллигентские круги приписывают убийство поэта сталинскому режиму, подавая его как один из примеров расправы над интеллигенцией;

4) некоторая часть либеральной интеллигенции также демонстрирует в этом вопросе «партийное» мышление. В своем принципиальном споре с национал-патриотами она не готова всерьез обсуждать вопрос об убийстве Есенина уже по одному тому, что эта тема была поднята и развита последними. Приверженность некоторой части либеральной интеллигенции официальной версии самоубийства поэта обусловлена так-

же тем, что она по идейным соображениям ни при каких условиях не может солидаризоваться с националистами и должна отстаивать противоположную точку зрения;

5) академическое литературоведение (прежде всего есениноведческое сообщество) придерживается официальной точки зрения, — вероятно, по той причине, что оно институционально зависит от государства и не может идти на конфликт с последним по вопросу о смерти Есенина».

На основе этой остроумной классификации можно безошибочно предсказать, какими будут групповые и индивидуальные реакции на рецензируемую книгу.

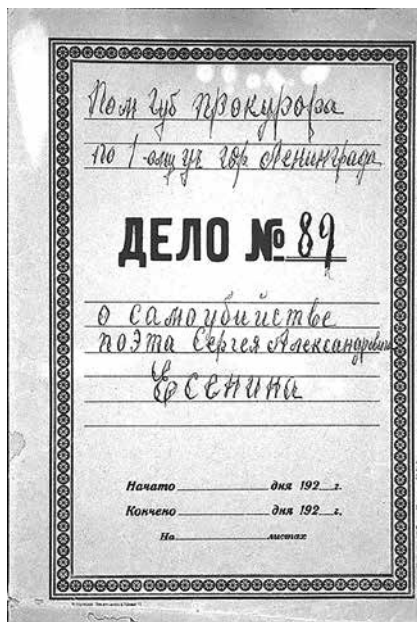
В предисловии Крусанов подробно описал те социологические, психологические и даже психиатрические мотивировки, которыми обосновывали суицид современники в 1926 году и которыми поклонники этой версии с удовольствием манипулируют и сейчас. Исчезновение деревни дореволюционной и довоенной, ликвидация старого уклада лишили поэта животворной основы, и он понял, что его историческое время ушло. Дух нового времени обесмыслил жизнь Есенина, он разочаровался в «Руси советской», в комсомоле и тракторе, и потому убил себя.

Также виной суицида называли богему, кабаки и рестораны, в которых алкоголик Есенин (в его истории болезни, датированной 5 декабря 1925 года, среди других диагнозов значится: «delirium tremens + hallucinatio»), в просторечии — белая горячка) растратил свои силы.

В. Шершеневич акцентировал внимание на утрате популярности и отсутствии покупательского спроса на книги, что стало причиной депрессии и добровольной смерти.

Ленинградский корреспондент «Правды» в сообщении от 28 декабря 1925 г. прямо указал:

«В последнее время Есенин лечился в московской психиатрической лечебнице. По мнению друзей Есенина, самоубийство является выполнением давно задуманной мысли» (Самоубийство Сергея Есенина // Правда. 1925. 29 декабря. С. 11).

Действительно, Есенин был болен туберкулезом и вел разговоры о смерти, у него было угнетенное душевное состояние. Позднее писали о длительной душевной болезни, наконец, суицидные мысли есть в стихах.

«В этом контексте, — признает Крусанов, — самоубийство предполагается как логическое завершение того саморазрушения личности, на которое обрек себя Есенин, и воспринимается как психологически достоверное, само собой разумеющееся событие. <...> Психологическая аргументация является самой серьезной основой, на которой базируется версия самоубийства Есенина».

Сумма всех этих свидетельств и оценок дает достаточный материал для того, чтобы не занимаясь критическим анализом документов и материалов, не разбираясь в деталях актов и протоколов, не оценивая их достоверность, противоречивость и соответствие нормативам, рассуждать о психологии Есенина и делать не требующий посещения архивов и музеев вывод о том, что оснований для пересмотра официальной государственной версии самоубийства нет.

При этом забавный парадокс заключен в том, что традиционное недоверие к любой продукции государства и «органов», к любым их категорическим выводам в случае

с Есениным почему-то не срывает, а доверие неожиданно оказывается безграничным и нерассуждающим.

ИЗУЧЕНИЕ ФОТОГРАФИЙ

Безусловно, абстрактно рассуждать о психологии легко и приятно, только объективным основанием такие рассуждения не являются. Крусанов отказался от этого варианта исследовательского поведения и занялся изучением и критическим анализом данных, которые существуют объективно. Поэтому вслед за предисловием в книге идут три параграфа, в которых подробно описаны материалы Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, связанные со смертью С.А. Есенина (авторы обзора Д. Решетникова, В. Высоколов), документы о смерти С.А. Есенина в Отделе рукописей Института мировой литературы РАН и посмертные реликвии С.А. Есенина в Пушкинском Доме (автор Е. Кочнева).

На этой документальной и материальной основе, без опоры на психологию, Крусанов начал проверку версии самоубийства.

«Такое исследование было проведено на основании анализа материальных носителей информации, оставшихся после смерти поэта: фотографиях Есенина после снятия из петли и после вскрытия его тела, посмертной маске, фотографиях и рисунках обстановки в пятом номере гостиницы «Англетер», сделанных 28–29 декабря 1925 года».

Этот раздел в книге занимает 90 страниц, остановлюсь на самых важных, с моей точки зрения, моментах.

Сомнение в правдоподобии официальной версии вызывает уже способ самоубийства. Известно, что у Есенина был револьвер, а в Ленинград он приехал со всеми своими вещами («В Ленинград он приехал 24 декабря на постоянное жительство...» — отметил корреспондент «Правды» в заметке от 28 декабря 1925 г.), следовательно, у Есенина в Ленинграде был и револьвер.

Крусанов в этой связи резонно заметил:

«Проще всего ему было покончить счеты с жизнью выстрелом из револьвера. Это быстро, надежно и не слишком мучительно. Но, имея револьвер, Есенин повел себя странно и непонятно. Сначала зачем-то перерезал себе сухожилие на правой руке, потом с перерезанным сухожилием закрепил веревку на трубе центрального отопления под самым потолком и повесился. Причем на следующий день выяснилось, что из есенинского номера пропали не только револьвер, но и его пиджак. Вся эта ситуация с самоубийством выглядит странно и малоубедительно».

Точнее, выглядит неумелой инсценировкой.

Первый сюжет, связанный с анализом материальных носителей, касается тех фотографий номера 5 гостиницы «Англетер», которыми мы сейчас располагаем. Фотографии тела, висящего на трубе парового отопления, в наличии нет, хотя ее должны были сделать, и ее отсутствие — это самый подозрительный и настораживающий факт.

«Во всех случаях обследования мертвых тел на местах их обнаружения лучше всего при составлении протокола осмотра, запечатлевающего в себе многое, что не может передать фотография, делать снимок как трупа, так и окружающей его обстановки и местности. Если на трупе усматриваются повреждения, иногда довольно значительных размеров или с характерными особенностями, с выявлением редко встречающихся признаков, свойств, формы <...>, то надлежит помимо съемки трупа в целом сфотографировать в большем размере отдельно область самого повреждения» (Наружный

осмотр трупа на месте происшествия или обнаружения его: Практическое пособие для следователей, работников милиции и судебных медиков. Харьков, 1929. С. 18).

Неизвестно, были сделаны фотографии тела поэта, висящего на трубе, или нет. Их следовало приложить к протоколу осмотра места самоубийства. Это грубейшее нарушение процедуры осмотра места происшествия, допущенное сотрудником милиции.

Есть несколько фотографий комнаты № 5, сделанных фотографом В. В. Пресняковым, вероятно, на следующий день после отправки тела Есенина в покойницкую Обуховской больницы. Комната, изображенная на этих снимках, была, можно сказать, музеефицирована: «чисто убрана, никаких следов беспорядка, ни окурков, ни плевков, которые отмечались мемуаристом, не заметно. Не видно также есенинских чемоданов, которые должны были там быть». То есть все эти фотографии являются постановочными. На одной из них видна поваленная вправо высокая тумба, на которой якобы стоял Есенин перед тем, как спрыгнуть с нее. Причем сопоставление различных фотографий указывает на то, что мебель и вещи при фотографировании перемещались, то есть реальной обстановки в номере во время обнаружения тела Есенина фотографии не отражают и нам они не известны.

Фактически взамен документальных свидетельств, которые следовало сделать сразу же при обнаружении трупа, мы имеем дело с очевидной попыткой их скрыть. Невозможно предположить, что в ленинградской милиции не было дежурного фотографа для того, чтобы при обнаружении висящего трупа сделать фотографии в соответствии с принятым порядком описания места происшествия.

Попутно Крусанов разъяснил происхождение пальто, которое видно на снимке. Вероятнее всего, оно принадлежит С. А. Толстой-Есениной, которая 29 декабря 1925 года была в Ленинграде, участвовала в подготовке тела к гражданской панихиде и наняла фотографа В. В. Преснякова.

Строго говоря, из списка достоверных свидетельств смерти поэта эти «чистенькие» постановочные фотографии можно вычеркнуть.

Не менее важен анализ фотогра-

фий, на которых изображено тело Есенина, снятое из петли. Эти фотографии были сделаны сотрудниками ателье М. С. Наппельбаума 28 декабря 1925 г.

При сравнении этих фотофиксаций с рисунками В. С. Сварога, «зарисовавшего тело Есенина, лежащее на полу, еще до того, как его переложили на кушетку, можно заметить, что растрепанная одежда была быстро приведена в относительный порядок: расстегнутые брюки были застегнуты, рубашку заправили под брюки, сорванные подтяжки были пристегнуты на место».

И опять были грубо нарушены не только требования пособия «Наружный осмотр трупа на месте происшествия или обнаружения его» (1929), процитированного выше, но и инструкции из книги С. Н. Трегубова «Основы уголовной техники» (Пг., 1915. С. 24–25):

«Следует принять за правило ничего не трогать с места и даже ни к чему не прикасаться руками, пока не произведено фотографических снимков», «фотографировать обстановку преступления необходимо с разных точек зрения, т.е. с различных пунктов».

Нарушителями выступили участковый надзиратель Н. М. Горбов и целая бригада агентов Активно-секретного отделения уголовного розыска. Видимо, они имели общую установку. В результате непонятно, когда образовался беспорядок в одежде: до повешения или во время снятия из петли.

Причем сделанные сотрудниками ателье М. С. Наппельбаума «фотогра-

фии несут уникальную информацию о ранах на лице и правой руке Есенина, которая не отражена в акте осмотра тела и акте судебно-медицинского исследования. Это

- 1) воронкообразное углубление под правой бровью,
- 2) косая вмятина на лбу,
- 3) рана на внешней стороне правой руки между локтем и кистью и
- 4) рана (в виде вытянутого стерженька) в области внутреннего угла правого глаза».

Игнорирование этих повреждений не списать на счет чьего-то недомотра, это намеренное сокрытие фактов.

Особое внимание Крусанов уделил воронкообразному углублению под правой бровью, оно зафиксировано только на одной из фотографий, сделанной 28 декабря 1925 года в пятом номере гостиницы «Англетер». На всех остальных изображениях лица мертвого Есенина эта рана видна либо искаженно после вторичных изменений, произошедших в результате вскрытия тела, либо в отреставрированном виде, как белое или темное пятно на коже, либо не видна вообще.

Все дело в том, что «эта рана очень неудобна сторонникам версии самоубийства поэта, поэтому она не зафиксирована в официальных документах: ни в акте осмотра, ни в акте вскрытия тела. Люди, оформлявшие версию самоубийства поэта, сделали вид, будто этой раны не существует, поскольку иначе пришлось бы объяснять ее происхождение. В декабре 1925 года на это никто не решился».

В существующих документах (акт участкового надзирателя Н. М. Горбова и заключение судмедэксперта А. Г. Гиляревского) не получили объяснения также косая вмятина на лбу, рана на внешней стороне правой руки между локтем и кистью и рана (в виде вытянутого стерженька) в области внутреннего угла правого глаза.

Также нет фотографий тела со спины и затылочной части головы, поэтому, скажем, проверить версию пулевого отверстия под правой бровью с выходным отверстием на затылке невозможно, хотя «внутренний диаметр воронкообраз-

ного отверстия под правой бровью (7,2 мм) с учетом эластических свойств мягких тканей сопоставим с калибром пули от нагана (7,79–7,82 мм)». Невозможно проверить и прижизненную рану на затылке, на которую указывали информанты.

Таким образом, отсутствуют важнейшие доказательства по делу: фотофиксации тела, висящего в петле, и фотофиксации снятого из петли тела со спины. А раны, которые отлично видны на фотографиях и по смертной маске, но противоречат версии суицида, просто были проигнорированы.

Естественно, Крусанов подробно проанализировал возможный генезис этих ран и, в частности, высказал предположение, что косая вмятина на лбу — «это след от рукоятки нагана», а «углубление в виде «вытянутого стерженька» оказывается следом от курка нагана (не путать со спусковым крючком). Размеры курка: 7,5×4 мм, длина 15 мм, что при учете эластических свойств кожи и мягких тканей лица хорошо совпадает с размерами «вытянутого стерженька» в области внутреннего угла правого глаза на посмертной маске Есенина».

Безусловно, это только гипотеза, однако она возникла на фоне необъяснимого исчезновения фотографий трупа, которые обязаны были сделать и поместить в «Дело № 89 о самоубийстве поэта Есенина», а также с учетом необъяснимого игнорирования всех перечисленных выше ран.

На этой основе закономерно возникает версия о насильственной смерти, с одной стороны, и о сознательной подгонке следственных документов под версию суицида. Нетрудно предположить, кто мог заставить все это сделать: конечно же не какие-то бандиты, а «органы». Сами убили, сами попытались замести следы, не особенно стараясь все тщательно зачистить и скрыть.

Дальше по списку идут следы на шее трупа Есенина, то есть странгуляционные борозды. Начинается сюжет с безграмотной записи в акте осмотра, составленной участковым надзирателем Н. М. Горбовым: «шея

Объективно известно только одно: официальная версия самоубийства с помощью документов и материальных предметов, которыми мы сейчас располагаем, не может быть доказана.

затянута была не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи». Понять это невозможно.

В акте вскрытия, находящемся в следственном деле, описано так: «на шее над гортанью — красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда идет немного вверх к затылочной области, где и теряется; ширина борозды с гушиное перо».

В итоге понять, как веревка была закреплена на шее Есенина, трудно. Однозначная трактовка затруднительна.

Поэтому Крусанов занялся тщательным изучением фотоматериалов, и это позволило снова обнаружить подробности, не включенные в акты. Выводы сводятся к тому, что мертвой петли на шее не было, а более вероятно повешение уже мертвого тела, тем более что различима странгуляционная борозда не только от витой веревки, но еще и вторая, гладкая, борозда, перпендикулярная позвоночнику, причем «плавного перехода между двумя видами странгуляционных борозд на фотографии незаметно, наоборот, наблюдается весьма резкий контраст между ними, что дает основание говорить об их независимости друг от друга».

В акте опытного патологоанатома А. Г. Гиляревского вторая борозда, возможно, от ремня, вообще не отмечена, да и вообще Гиляревский почему-то не проводил исследование мягких тканей шеи. Во всяком случае, в его акте, которым мы сейчас располагаем, такое исследование не отмечено.

Возникает предположение, что Есенина сначала ударили наганом

по лицу, потом он был задушен ремнем, а затем повешен.

АКТЫ И ПРОТОКОЛЫ

Особый интерес представляет изучение акта участкового надзирателя Н. М. Горбова. Крусанов обратил внимание на важнейшее обстоятельство: версия самоубийства была сформулирована еще до приезда милиции и врачей, а ее источником был управляющий гостиницей, сотрудник ГПУ В. М. Назаров.

По официальной версии он обнаружил тело утром 28 декабря 1925 г. (хотя имеется «позднейшее» свидетельство вдовы управляющего «Англетером» о том, что ее муж был вызван в гостиницу в связи со случившимся там несчастьем еще поздним вечером 27 декабря) и позвонил в милицию, после чего в гостиницу прибыл милиционер Горбов «согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей граж. Назарова В. Мих., о повесившемся гражданине в номере гостиницы» (Акт, составленный Н. М. Горбовым). В акте слово «повесившийся» употреблено трижды, но ни одного доказательства самоубийства ни в акте, ни в материалах следственного дела нет.

Попутно стоит отметить, что заявление о смерти должно было составляться администрацией гостиницы «Интернационал» (пр. Майорова, 10) в трехдневный срок. Однако заявление почему-то составил В. Эрлих. Хотя в акте милиционера Горбова, участкового надзирателя 2-го отделения ЛГМ (Ленинградской губернской милиции), упомянут управляющий гостиницей Назаров В. М., который позвонил в милицию по телефону и сообщил

«о повесившемся гражданине в номере гостиницы». Это существенное несоответствие установленному порядку подачи заявления о смерти.

В дополнение к сведениям, собранным Крусановым, следует отметить, что к заявлению о смерти при подаче документов в ЗАГС должно было прилагаться медицинское свидетельство о смерти, подписанное сотрудником скорой помощи К.М. Дубровским, выезжавшим на вызов в № 5 гостиницы «Интернационал» и отметившим, что смерть наступила в 4–5 часов утра 28 декабря 1925 г. (см.: Самоубийство поэта Сергея Есенина // Новая вечерняя газета. 1925. 29 декабря. С. 5). Однако самого медицинского свидетельства нет, что является еще одним очевидным нарушением.

Надо полагать, что врач, конечно, составил документ, но он был затем аннулирован, а вместо медицинского свидетельства о смерти в «Выписи о смерти» (выданной столом записей актов гражданского состояния Московско-Нарвского совета 29 декабря 1925 г.) стал фигурировать акт вскрытия, произведенного патологоанатомом А.Г. Гиляревским в морге Обуховской больницы. На этот документ и сделана ссылка в «Выписи о смерти»: «12. Фамилия, имя и подробный адрес врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также № свидетельства. Врач суд. мед. эксперт Гиляревский № 1017». Это еще одно нарушение.

Не менее интересны обстоятельства, связанные с этим Дубровским. Крусанов не включил их в книгу, поскольку не полагался на воспоминания и слухи, а занимался исключительно тем, что существует объективно, но я хочу их привести.

Казимир Маркович Дубровский (1892–1979) публично признавался, что 28 декабря 1925 года он, тогда брат милосердия станции № 2 ленинградской «Скорой помощи», выезжал в «Англетер» и помогал констатировать смерть Есенина. Дубровский вспоминал, что на место происшествия помимо кареты «Скорой помощи» приезжала еще и бригада УГРО. При этом выезд и этой бригады, и кареты «Скорой помощи» состоялся ночью. Именно ночью, когда и был обнаружен

труп Есенина. Хотя управляющий гостиницей «Интернационал» Назаров якобы обнаружил труп Есенина только утром.

Но что происходило ночью в № 5 гостиницы, где Дубровский встретился с сотрудниками УГРО, что он увидел, что делали с трупом сотрудники УГРО, где медицинское свидетельство о смерти Есенина, он не рассказал. Зато ему принадлежит историческая фраза: «Я ни за что сидел 30 лет, а за что-то и тем более не хочу!» Дубровский был арестован в 1937 г., реабилитирован в 1955 г., позднее стал известным психотерапевтом.

Вообще Горбов — вернусь к его акту — вопреки служебным обязанностям, не проводил расследования, а оформлял изначально объявленное самоубийство. Кстати, Горбов должен был составить протокол, но вместо этого почему-то написал некий малосодержательный акт.

Вывод Крусанова: «Если попытаться найти какую-либо «систему» или тенденцию в описании ран и повреждений на теле Есенина, запечатленных в акте Н.М. Горбова, то можно сказать, что у него опущены все наиболее крупные и заметные раны и повреждения, а указаны только мелкие, легкие и малозаметные, которые не могли служить причиной смерти и которые можно было интерпретировать, что они нанесены себе самим покойным. Таким образом, кажущаяся на первый взгляд «небрежность» описания Н.М. Горбовым состояния тела Есенина при внимательном рассмотрении оказывается сознательной подгонкой под версию самоубийства».

ПУСТАЯ МОГИЛА?

Наконец, есть еще один важный факт: в 1955 г. при похоронах матери Есенина в могилу поэта обнаружилось, что там находится гроб, не соответствующий описанию и фотографиям гроба Есенина.

Зафиксирован также рассказ шофера ГПУ, который сообщил, что в ночь после похорон с 31 декабря 1925-го на 1 января 1926 г. гроб с телом Есенина был выкопан и унесен, а шофер потом закапывал пустую могилу. Насколько все эти сведения

достоверны — неизвестно, но такие сведения есть. Однако все попытки эксгумации, т.е. объективной проверки достоверности, ни к чему не привели.

Особо стоит отметить, что политической темой причин убийства Есенина Крусанов не увлекся, посчитав это отдельной проблемой, для разрешения которой нет материалов.

В рижской газете было высказано предположение, что «Есенин в последнее время сильно досаждал советской власти своими едкими сатирами на коммунистические верхи, причем эти стихи нелегально размножались и тайно ходили по рукам».

Фантазируя, можно предположить, что агенты ГПУ провели обыск пятого номера гостиницы «Интернационал», чтобы обнаружить «едкие сатиры», но, как говорится, что-то пошло не так: Есенин оказал сопротивление и в результате «эксцесса исполнителя» был убит. Но это не более чем фантазия.

Объективно известно только одно: официально объявленная версия самоубийства с помощью тех документов и материальных предметов, которыми мы сейчас располагаем, не может быть доказана: слишком много противоречий, нарушений, множество материальных отсутствий, а в лакунах есть строго продуманная система. Пазл не сходится.

Крусанову даже не удалось ознакомиться с Книгой записей смертей Московско-Нарвского района Ленинграда за декабрь 1925 г., которая хранится в Отделе ЗАГС Кировского района Санкт-Петербурга. Отказ был мотивирован тем, что эта Книга мертвых пока якобы является документом для служебного пользования (хотя это ложь, законом это не установлено), и лишь через 100 лет после декабря 1925 г. книга будет передана в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга и там с ней можно будет работать. Однако при этом сотрудник ЗАГС не исключил, что еще до передачи Книги записей смертей в ЦГА СПб она может быть уничтожена, если поступит такой приказ (!).

Любопытное предупреждение, не правда ли? 🐾

ВОТ РАНЬШЕ БЫЛО ВРЕМЯ

«Расскажите об ушедших традициях и привычках 1970–1980-х годов».

Такой вопрос автор этой публикации задал своим знакомым по соцсетям. За несколько дней вопрос получил 360 комментариев.

Самые популярные ответы — это детские игры и приметы быта позднего СССР.

 ПОДЕЛКИ ИГРЫ ПРИМЕТЫ БЫТА СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Кулон из полиэтилена

Расплавленным полиэтиленом дети капали в ложку, воткнув в землю и согнутую под прямым углом. Когда черный овал застывал, раскаленной иглой проделывали дырку для нитки. Процарапанный рисунок затирали зубной пастой или гуашью.

Чистка ковров

Ковры чистили на улице, считалось, что это лучше, чем пылесосить. Летом ковры выбивали на специальной стойке, зимой — чистили на снегу.

Стойка для выбивания ковров

Сдача стеклотары

В СССР в стоимость того, что наливалось в емкость — кефир, майонез, водка, лимонад или молоко, — входила залоговая цена емкости. Посуду сдавали в пункты приема стеклотары. Если бутылки сдавали дети, то вырученные деньги часто оставляли им.

Пол-литровая молочная бутылка стоила 15 копеек.

Контрольный билет ленинградского трамвая, 1980 год

Сдача макулатуры

К сбору привлекались школьники. Для каждой школы была установлена годовая норма. С 1974 года началась кампания по обмену макулатуры на книги. Чтобы купить дефицитный том, нужно было сдать 20 кг макулатуры.

«Секретки»

Дошкольники и младшие школьники, как правило, девочки, сооружали тайники с мелкими сокровищами. В ямку помещались конфетные обертки, значки, фольга, небольшие цветы. Ямка покрывалась стеклышком и присыпалась землей. «Секретки» делали в тайне от других и показывали только близким друзьям.

Квас и молоко из бочки

Емкость бочки — 900 литров. Молока и кваса длительного хранения не было, как не было и пластиковых бутылок, поэтому эти напитки покупали часто. За молоком и квасом ходил каждый школьник, причем за молоком — ранним утром, до школы.

Счастливый билетик

Счастливым считается билет на общественный транспорт, в шестизначном номере которого сумма первых трех цифр совпадает с суммой трех последних. Чтобы такой билет принес удачу, его нужно либо сохранить, либо съесть.

Встретимся под часами (в метро, у фонтана)

Мобильных телефонов не было, поэтому встречи назначали заранее в условленном месте.

Плетение из капельниц

Дети, побывавшие в больнице, возвращались домой с новым навыком. Самые популярные поделки из трубок от капельниц — чертик и рыбка. Иногда трубки подкрашивали зеленкой, синькой или марганцовкой.

Дворовые игры

Дети проводили время во дворе большими или малыми компаниями. Вечером родители зазывали их домой, крича в окно.

Во что играли

- Классики
- Резинка
- Казаки-разбойники
- Пробки (модификация ранней игры в ушки)
- Банки (упрощенные городки)
- Вкладыши
- Али-Баба

В игре в резиночку нужно прыгать через узкую двойную резинку, натянутую на различной высоте.

Зима

Город, в котором есть самое главное, кроме памятника Марфе Посаднице

Даниил Коцюбинский

Вернулся из Новгорода — города моей мечты, где я последний раз был ровно 40 лет назад и где с тех пор мечтал побыть вновь.

Тогда мы — выпускники первого курса истфака ЛГПИ им. А. И. Герцена — копали вместе с прекрасными студентками из Московского областного пединститута знаменитый Неревский раскоп (в нынешний приезд — символическим образом — я очутился с семейством в гостинице «Неревская»).

Мы — это Миша Кром (ныне — крупнейший российский медиевист, профессор Европейского университета в СПб), Леша Разоренов (один из самых талантливых петербургских журналистов и глава крупного издательского дома), Андрюша Плахин (уже много лет живет в Израиле и недавно выпустил книгу о воздвигнутых крестоносцами крепостях Святой Земли), Игорь Комаров (ставший одним из чудотворно неподкупных сотрудников российской таможни) и еще много славных парней и девушек. Жили мы в каком-то опустевшем интернате, в чудовищно антисанитарных условиях, спали на деревянных нарах, но нам было весело, дружно и интересно. Хотя мы с Мишей в какой-то момент таки устроили забастовку интеллигентов-хлюпиков по случаю приключив-

шейся у нас простуды-температуры, за что снискали неодобрительный отклик со стороны сурового археологического начальства.

А копали мы под руководством замечательного специалиста — Александра Степановича Хорошева — заместителя начальника Новгородской археологической экспедиции. Начальник экспедиции — легендарный археолог и издатель берестяных грамот Валентин Лаврентьевич Янин, продолжатель дела их первооткрывателя Артемия Владимировича Арциховского, тоже там был, и даже провел для нас специальную экскурсию по древнему городу.

Ни одной берестяной грамоты мы, правда, в тот сезон так и не откопали. Нашли кучу керамических и костяных обломков на дне 6-метровой глубины раскопа. Улицы в древнем Новгороде мостились каждые 20–25 лет заново и содержались в идеальной чистоте и порядке — за это отвечали «уличанские веча» (что-то вроде местного самоуправления), так что в итоге культурный слой вырос к концу XV века колоссальный. А поскольку почва в Новгороде была такова, что сохраняла всю органику, до нас дошли не только сотни берестяных грамот, но также множество деревянных, кожаных, матерчатых и т.п. изделий (после того, как Новгород в конце XV в. захватила Москва, мо-

Марфа-посадница над разбитым вечерним колоколом на памятнике «Тысячелетие России»: единственное изображение Марфы Борецкой, существующее в современном Новгороде.

щение улиц прекратилось и рост культурного слоя на долгие столетия потонул в непролазной грязи...). Древнейшая мостовая Великой улицы Неревского конца датируется 953-м годом — 28-й ярус...

Но больше всего, конечно, дошло до нас той органики, которая особого научного интереса не представляет, но которая напоминает о себе трудно игнорируемым ароматом... Впрочем, главным в тот сезон было не это вполне рутинное исследовательское обременение, а находка загадочного кожаного мешка с дырками. Я, помню, взглянул на него издали и сразу подумал: «Похоже, волынка».

Был собран консилиум руководства. Долго спорили: что это — старый винный прохудившийся мех или что-то иное? В конце концов решили: «Всё же это, скорее всего, привезенная из Европы волынка». Помню, я тогда изрядно озадачился: выходит, даже археология (казалось бы, самая достоверная из прочих исторических дисциплин!) — во многом наука догадок, а не точных установлений. И что означал тот или иной предмет многие сотни и тысячи лет назад, мы можем лишь предполагать, но не знать точно...

Увлекательные рассказы Хоросева и Янина врезались в память, и я без труда «повторил» во внутрисемейном формате небольшую импровизированную экскурсию по древним объектам этого, на мой пристрастный взгляд, самого выдающегося во всех отношениях — историческом, политическом, культурном, архитектурном, цивилизационно-смысловом — древнерусского города.

Жаль, что на реставрацию был закрыт весь архитектурный комплекс Ярославова дворища и нам не удалось взглянуть на церковь Параскевы-Пятницы, выложенную из красно-рыже-бардовой плинфы.

Два слова о том, что меня чарует и одновременно больно ранит во всей древнерусской архитектуре, не только новгородской. Точнее, в том, какой она сохранилась и предстает перед нами сегодня.

Изначально церкви в Новгороде (и вообще в Древней Руси) не белили, а украшали фресками, а также частично покрывали цемянкой (бурой кирпичной или керамической крошкой пополам с известковым раствором) либо оставляли в первозданном — предельно экспрессивном — красно-кирпичном виде. К сожалению, очень мало сохранилось (а точнее, было реконструировано) — и в Новгороде в том числе, включая, увы, Софию!.. — церквей в их исходном облики.

То есть в таком виде, который сочетал бы далекую от позднейшей ровно-умиротворяющей белизны «экспрессивную» облицовку, шлемовидные купола (а не полулуковки либо, что еще хуже, несоразмерно

Когда Новгород в конце XV в. захватила Москва, мощение улиц прекратилось и рост культурного слоя потонул в непролазной грязи.

массивные луковки XVII в. или микролуковки на тонких барабанах XVIII в., как в случае с церковью Параскевы-Пятницы, а также полукруглые узорчатые закомары, которые позднее были в большинстве случаев весьма топорно «спрямлены».

Даже одна из моих любимых церквей — Петра и Павла в Кожевниках, крытая серебристым осиновым лемехом, хотя и сохранила первоначанный облик фасада, включая даже частично уцелевшие фрески, но, вместо шлемовидного купола, увенчана полулуковкой, хотя, к счастью, и довольно изящной. Кстати, купол новгородской церкви Петра и Павла на Славне реконструирован в соответствии с аутентичными канонами XIV–XV вв.

Жаль, что в этот раз мы не успели объездить монастыри — Юрьев, Антониев, Зверинский, побывать на Рюриковом городище и в музее деревянного зодчества Витославицы, который я тоже очень хорошо помню по студенческой командировке...

Зато в Кремле, помимо божественно величественной (пусть и не во вполне аутентичном виде) Софии, довольно бездарного, на мой вкус, «Тысячелетия России» скульптора Микешина (эдакого «Церетели XIX века»), и моей любимой башни Кокуй XV–XVII вв., появился (точнее, по-новому проявился, ибо стоял он и ранее) интереснейший объект: окончательно отреставрированная в 2014 г. Грановитая (Владычная) палата — экс-резиденция новгородского архиепископа.

Примечательна она не только тем, что в ней хранится богатая коллекция декоративно-прикладного искусства с V по XIX вв. из собрания Новгородского музея-заповедника.

Перед нами — яркая страница исторического противостояния Нов-

города и Москвы, продолжавшегося на протяжении XIV–XV вв. и закончившегося для города на Волхове, увы, трагически.

«Палатно-грановитый» взгляд на историю этого драматического противостояния позволяет увидеть, что в нем обе стороны апеллировали к европейским символам своего превосходства. Иными словами, ресентиментное (одновременно высокомерное и завистливое) отношение к католической Европе, которую и Новгород, и Москва считали «еретической», было характерно для обоих крупнейших древнерусских городов той поры. Возможно, в разной степени, поскольку для Новгорода Европа всё же являлась не только «несправедливо возвысившимся вероотступником» (к тому же пугающе таинственным, каким она была для тогдашней Москвы), но и хорошо знакомым и уважаемым торговым и дипломатическим партнером.

Одним словом, в 1433 г. новгородский архиепископ Евфимий, дабы продемонстрировать москвичам свое, как бы мы сказали сегодня, цивилизационное превосходство, воздвиг, усилиями немецких мастеров, святая святых тогдашнего новгородского гражданского зодчества — свою собственную Палату. Ее аутентичный внешний и внутренний вид не оставляли сомнения, что перед нами — отнюдь не древнерусский или византийский стиль, а самая настоящая пламенная готика.

К слову, это была не первая попытка вольнолюбивых новгородцев архитектурно запечатлеть свой решительный отказ от церковной, не говоря уже о политической, подвластности Москве (при том, что формально новгородский архиепископ подчинялся московскому митрополиту — впрочем, называв-

София Новгородская в XI веке и 1000 лет спустя. Видны фрагменты первоначальной облицовки (фото автора).

шемуся в ту пору не «Московским», а «Киевским и Всея Руси».

В Софии Новгородской по сей день хранится белокаменный вкладной Алексеевский крест, установленный повелением архиепископа Алексия в нишу Западного фасада храма еще в конце XIV в. — для того, чтобы новгородцы торжественно присягали крестным целованием на подсудность своему выборному архиепископу, а не находившемуся в Москве и фактически подчинявшемуся московскому великому князю митрополиту (а великим князем в ту пору был, напомню, Дмитрий Иванович, он же — Донской).

В 1386 г. об этой присяге и невозможности от нее отступить было объявлено московскому («Киевскому и Всея Руси») митрополиту, заявившему — с подачи великого князя — о своем праве вершить суд в Новгороде. Проявить особую дерзость и решительность новгородцам помогло то, что в Москве как раз в эту пору — по причине бурного самоуправления великого князя Дмитрия Донского — воцарилась совершеннейшая неразбериха с тем, кого следует считать законным митрополитом.

Одним словом, строительство Владычной палаты в немецком сти-

ле стало еще одной символической демонстрацией Новгородом своей «неподотчетности» Москве как по церковной, так и — тем более — по политической «линиям».

Судя по всему, будущий завоеватель Новгорода, правнук Дмитрия Донского московский великий князь Иван III, прекрасно «считал» это «дерзкое» новгородское послание, напоминавшее Москве о «вольном ганзейском статусе» Господина Великого Новгорода. И уже после того, как Новгород был дважды завоеван Москвой (в 1471-м и 1477–78 гг.), дочиста ограблен и тотально — в лице боярско-купеческих элит — депортирован, Иван III в 1487–1491 гг. воздвиг в Кремле Грановитую палату — также силами европейских зодчих, правда, не немецких, а итальянских, и работавших уже не в готическом, а в новомодном ренессансном стиле.

При этом ресентиментный посыл этого амбициозного архитектурного начинания оказывался сразу двояким: это был политический вызов Священной Римской империи, с которой первый московский независимый великий князь будет себя в дальнейшем ревностно сравнивать и сопоставлять, — и в то же время это был ясный «прощальный привет» некогда дерзко возносивше-

муся Новгороду и его «европейской гордыне».

Конечно, коллекция новгородской Грановитой палаты гораздо скромнее московских сокровищниц (не будем забывать, что, как рассказали Сигизмунду Герберштейну в начале XVI в. сами москвиты, Иван III вывез из Новгорода 300 возов сокровищ, а возможно, и больше), и всё же она достойна того, чтобы ею полюбоваться. Особенно если обратить внимание на прекрасные кирпичные нервюры сводов (перекликающиеся со сводами московской Грановитой палаты) и сохранившиеся фрагменты фресок...

Удивило и очень порадовало меня то, что за все время автомобильных перемещений по Новгороду, я встретил всего одно название улицы, связанное с советским прошлым. Практически всем улицам центра города еще в 1990-е гг. были возвращены исконные средневековые имена.

Возможно, я что-то идеализирую, и если бы я побыл в Новгороде подольше, то заметил бы не только облупившегося Ильича, но и многих вполне живых и бодрых людей, державно тяготящихся Прусской улицей и Ганзейским фонтаном.

Одним словом, Господину Великому Новгороду — долгие лета. ❁

Рейтинг русских писателей по чинам

Глеб Сташков

Решил составить рейтинг русских дореволюционных писателей. Литературные достоинства — вещь субъективная, поэтому ранжировал по их официальным чинам (по Табели о рангах).

I КЛАСС
Никого

**II КЛАСС — ВАШЕ
ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО**
• Г. Р. Державин (действительный тайный советник)

**III КЛАСС — ВАШЕ
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО**
• Ф. И. Тютчев (тайный советник)
• П. А. Вяземский (тайный советник)
• В. А. Жуковский (тайный советник)
• Д. В. Давыдов (генерал-лейтенант)

**IV КЛАСС — ВАШЕ
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО**
• Н. М. Карамзин (действительный статский советник)
• Ф. В. Булгарин (действительный статский советник)
• М. Е. Салтыков-Щедрин (действительный статский советник)
• И. А. Гончаров (действительный статский советник)
• А. К. Толстой (действительный статский советник)

ВЛАДИМИР БОРОВИКОВСКИЙ. ПОРТРЕТ Г. Р. ДЕРЖАВИНА (1811)

**Его высокопревосходительство —
Гаврила Державин.**

• И. Ф. Анненский (действительный статский советник)

V КЛАСС — ВАШЕ ВЫСОКОРОДИЕ
• Д. И. Фонвизин (статский советник)
• А. С. Грибоедов (статский советник)
• И. А. Крылов (статский советник)
• П. П. Ершов (статский советник)

IX КЛАСС — ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ
• А. С. Пушкин (титулярный советник, камер-юнкер — это было звание, а не чин)

X КЛАСС — ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ
• И. С. Тургенев (коллежский секретарь)
• А. А. Фет (штабс-ротмистр)
• А. И. Куприн (поручик)

XII КЛАСС — ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ
• М. Ю. Лермонтов (поручик, ниже Куприна, потому что до 1884 года поручики проходили 12-м классом)
• Л. Н. Толстой (поручик)
• Н. С. Лесков (губернский секретарь)
• Е. А. Баратынский (губернский секретарь)

XIII КЛАСС — ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ
• Н. С. Гумилев (прапорщик, в военное время считались 13-м классом)

XIV КЛАСС — ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ
• Н. В. Гоголь (коллежский регистратор)
• Ф. М. Достоевский (прапорщик; был поручиком в отставке, всего лишен по делу петрашевцев, потом снова выслужился)

Да, вот так: Гоголь и Достоевский — на последнем месте. Про «отставного сверхштатного младшего медицинского чиновника» Чехова лучше вообще помолчим. ❖

30% россиян не смогли вспомнить ни одного детского писателя

Вадим Шувалов

Агния Барто и Александр Пушкин стали лидерами рейтинга писателей классиков литературы для детей. Отвечая на вопрос, какие имена первыми приходят на ум, 25% граждан первым назвали имя Барто, 24% — Пушкина. За ними идут Самуил Маршак (18%) и Корней Чуковский (17%).

Треть жителей России, говоря о детских писателях, не смогли назвать ни одного автора. Больше всего затруднившихся вспомнить хоть какого-либо детского писателя среди молодежи (50%) и мужчин (40% против 29% среди женщин).

Таковы основные итоги всероссийского опроса, проведенного в ноябре 2023 года аналитическим центром НАФИ. В нем участвовали 1600 человек старше 18 лет из всех регионов России. Статистическая погрешность данных не превышает 3,1%.

Любимым сказочным героем признан Буратино, получивший 17% голосов, на втором месте — Незнайка (11%). Чуть отстали Золушка и Баба-Яга (по 9%). Но даже все вместе лидеры не перевешивают остальных героев (65%).

71% опрошенных считают, что классика остается актуальной, преимущественно такого мнения при-

КТО ВАШ ЛЮБИМЫЙ СКАЗОЧНЫЙ ГЕРОЙ?

% ОТ ВСЕХ, КТО СМОГ НАЗВАТЬ КАКОГО-ЛИБО СКАЗОЧНОГО ГЕРОЯ

Другие персонажи

65

ОПРОШЕННЫЕ МОГЛИ ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ВАРИАНТОВ ОТВЕТОВ. ИСТОЧНИК: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАФИ, ОПРОС НОЯБРЯ 2023 Г. ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЕОНИД ВЛАДИМИРСКИЙ.

держиваются опрошенные старше 55 лет (81%), люди с высшим образованием (81%) и женщины (75%).

16% уверены в обратном, остальные затруднились ответить. Чаще об этом говорят представители молодежи в возрасте от 18 до 24 лет (31%) и мужчины (21%).

20% считают, что классику отличает наличие смысла; доброта и душевность (19%), красота слова (9%), познавательность, простота и доступность восприятия (по 7%).

«Замечен тренд снижения уровня знания классических детских писателей и их произведений среди молодежи. Исследования также показывают, что те представители молодежи, которые уже сами стали родителями, мало читают своим детям. В целом 39% родителей сегодня не читают детям книги вслух совсем или делают это крайне редко, — говорит Людмила Спиридонова, исполнительный директор НАФИ. ❁

Как в СССР узнали о тайне соблазна

Марина Шаповалова

Од Новый год советским людям дарили сказку. Так повелось с оттепельных лет, признавших дозволенность безыдейного

отдыха от героических трудовых будней социалистического строительства. Время самых длинных зимних ночей осветили «Голубыми огоньками» телеэкранов, образовав главный прайм-тайм года — несколько дней трансляции, куда укладывался нарастающий праздник непослушания, всё больше вольностей в рамках заказа Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, а потом и в цвете, окончательно побеждающем черно-серую законную реальность.

Вечером первого января 1978 года произошло невероятное чудо. Оно началось нездешней музыкой и дворцовой роскошью вечного юга, но могло показаться обычным костюмно-музыкальным фильмом, пока на нас с экрана не взглянула Маргарита Терехова.

До съемок «Собаки на сене» Терехова уже отразилась в «Зеркале» Тарковского, закрепив в мастерстве тончайшие штрихи своей неприступной манкости. Той, что делала ее малопригодной для советского кинематографа: с такими данными в нем можно было рассчитывать только

Случайное знакомство героев не предвещало никаких чувств. Но когда она уезжает в Трускавец, герой делает все, чтобы встретить ее там на вокзале.

на эпизоды, дабы не слишком вводить трудящихся обоего пола в пагубный соблазн. В лучшем случае — на проходной формат киностудий союзных республик, где трубы были пониже, но и дым цензуры пожиже, и где Тереховой в том же 77-м году повезло еще раз: молодой режиссер Ахадов снял телефильм по рассказу Максуда Ибрагимбекова «Кто поедет в Трускавец». Только партийным недосмотром можно объяснить появление в бытовой мелодраме актерского дуэта Терехова — Кайдановский. Что с точки зрения морального кодекса строителя коммунизма было чистой диверсией.

У Кайдановского была та же профессиональная беда: от его взгляда с экрана у всех женщин подкашивались ноги. Поскольку такой силой воздействия на честных матерей

семейств может обладать только мерзавец, сие завидное свойство попадало под определение «отрицательное обаяние» и становилось непреодолимым амплуа. Герой, впрочем, положительным не считался: циник и ловелас, грубиян, и мелкий аферист, к тому же обманом получающий больничный для отдыха. Но с появлением рядом с ним Тереховой простой мелодраматический сюжет наполнялся интригой эротического взаимодействия двух натур, ускользающих из социальной нормы.

Скрытый за кадром интим сочился из каждого жеста, от вида плеч героини и родинок на гордой шее. Мало того, общественно порицаемый стиль поведения случайных любовников к финалу оказывался рождением любви. Фильм на полку не положили, но выпустили на экра-

ны так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Как и «Зеркало», его посмотрели немногие, пропустив в будничной телепрограмме ничего не обещающее название.

Но «Собака на сене» был праздничным подарком всему советскому народу. В нем не было опасного интима, комедийный характер классической пьесы позволял почти любые фривольности — это же не всерьез и не про нас, любовные терзания в костюмированном балагане с музыкой, как положено, завершаются законным браком. В общем, всё дозволенное цензурой. Но зрелая сексапильность Тереховой-Дианы проткнула безобидную гладь веселой сказки, как заточка парчовый мешок. Из него на отдыхающего после бурной новогодней ночи зрителя полилось сплошное вожделение: солнца, неги вечнозеленых садов, взаимности чувств, счастливых случаев и земных наслаждений.

Когда сказка завершилась торжественными аккордами и погасла на финальных титрах, что-то изменилось навсегда. Женщины и девушки посмотрели на себя в зеркала, вытягивая шеи и расправляя плечи. Загадочно. Сияясь заметить то, о чем никогда не читали в журнале «Работница». В советском телевизоре все еще не было секса, но тайна соблазна всплыла на поверхность мутного исторического материализма эфирным радужным пятном и намагнитила потертые осью полюса. Не открывшись ни разу. До сих пор притворяется, что ее будто бы нет. ❀

大將

Когда придет китайская цивилизация, я молчать не буду

Глеб Сташков

Говорят, российская цивилизация скоро станет частью китайской цивилизации.

Я — на всякий случай — решил подготовиться. И начал читать роман «Троецарствие» — один из четырех классических китайских романов.

Чтение, прямо скажем, на любителя. «После того как Гун Цзин наградил победителей, Цзоу Цзин решил вернуться к Лю Яню. Лю Бэй сказал ему: «Я получил весть, что Лу Чжи сражается в Гуанцзуне против главаря мятежников Чжан Цзяо».

И так — полторы тысячи страниц. Сложновато, конечно, всё это в голове удержать.

Зато, когда придет китайская цивилизация, вы будете молчать, а я сделаю шаг вперед и скажу:

— А я читал «Троецарствие».

Китайцы расплывутся в улыбке и назначат меня да-цзян-цзюнем.

А никого из вас они не назначат да-цзян-цзюнем. Потому что вы даже не знаете, что такое да-цзян-цзюнь. ❀

Самые читаемые в России книги об ужасах и убийствах

Вадим Шувалов

Абсолютным лидером в остросюжетном жанре среди авторов, пишущих на русском языке, стала Татьяна Корсакова, автор мистических романов, основанных на фольклорных преданиях. Ее книги — на первых двух местах рейтинга продаж в 2023 году. Совокупный тираж 60 книг автора — более 1,2 млн экземпляров.

ТОП- 5 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ РОМАНОВ В ЖАНРЕ ХОРРОР РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

1. Татьяна Корсакова «Светочи тьмы»
2. Татьяна Корсакова «Цербер-хранитель»
3. Михаил Парфенов, Олег Кожин «Самая страшная книга. Черные сказки»
4. Татьяна Корсакова «Час перед рассветом»
5. Дарья Бобылева «Вьюрки»

Порядка 70% книг в общем топе отечественных бестселлеров написаны женщинами. При этом и читательская аудитория хорроров также преимущественно женская. Согласно исследованию компании Ipsos (РосИндекс), 37% опрошен-

ных женщин предпочитают читать отечественную остросюжетную литературу.

ЖУТКИЙ НОН-ФИКШН

В жанре нон-фикшн среди российских авторов список самых покупаемых книг выглядит так:

- «Криминология» Кирилла Привалова;
- «Психологические эксперименты. Реальные истории» Анастасии Шавыриной;
- «Колдовство на Руси. Политическая история от Крещения до «Антихриста»» Дениса Хрусталева;
- Митя Лебедев, Маша Погребняк «Дневники Лоры Палны. Труднейшая история самых резонансных убийств»;
- Николай Дворянчиков «Профиль убийцы. Психологические аспекты криминального профайлинга»;
- Григорий Бакус «Инквизиция, ересь и колдовство. Молот ведьм»;
- Алексей Филатов «Записки профайлера. Искусство менталиста»;
- Михаил Бажмин «Секс, смерть и галоперидол. Как работает мозг преступника».

СРАВНЕНИЕ МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

В ассортименте объединенной розничной сети «Читай-город — Буквоед» доля книг жанра «мистика и хоррор» составляет 3% в сегмен-

те художественной литературы и 2% — от всего книжного ассортимента. В количественном выражении — это более 1500 наименований книг. Сеть сравнила топ-5 самых читаемых жутких книг в Петербурге и Москве и выяснила, что в обоих городах у читателей есть интерес к произведениям Говарда Лавкрафта и Стивена Кинга, но в остальном предпочтения расходятся.

На первом месте в Москве «Пять ночей у Фредди», написанная по мотивам культовой хоррор-игры. А в Петербурге это классический Уилки Коллинз (1824–1889).

ТОП-5 В МОСКВЕ (ПО ДАННЫМ СЕТИ «ЧИТАЙ-ГОРОД»)

1. Скотт Коутон, Кира Брид-Райсли «Пять ночей у Фредди. Серебряные глаза»
2. Стивен Кинг «Кэрри»
3. Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»
4. Брэм Стокер «Дракула»
5. Ширли Джексон «Призрак дома на холме»

ТОП-5 В ПЕТЕРБУРГЕ (ПО ДАННЫМ СЕТИ «БУКВОЕД»)

1. Уилки Коллинз «Отель с привидениями»
2. Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»
3. Мария Корелли «Скорбь Сатаны»
4. Стивен Кинг «Клатбище домашних жьвотных»
5. Брэм Стокер «Дракула» ■

Какой кошмар: дома — в обуви

Об американских привычках

Анастасия Штейнерт, Нью-Йорк

Сколько же раз в России на меня ругались за то, что я ходила по дому в уличной обуви. А я, блин, всё равно ходила (особенно когда никто не видел).

Зато теперь в Америке — рай. Редко где в гостях тебя попросят снять уличную обувь, а про ненавистные мной тапки здесь люди вообще не в курсе. Американцы чаще всего ходят дома или в обуви, или босиком.

У нас в квартире такие же правила — в уличной обуви можно ходить абсолютно везде. И лежать на диванах, не разуваясь, тоже можно. Моя со-

Я, честно говоря, воспринимаю такое в штыки. Не люблю я разуваться, и всю эту носочно-тапочную культуру терпеть не могу. Но раз в несколько месяцев приходится.

«Это же полная антисанитария», — скажете вы. Я за полтора года жизни в Америке почти забыла, как выглядит грязь. В смысле не мусор на улице, его-то у нас полно, а та самая смесь говна с землей. Еще в Нью-Йорке как-то не водится луж — не помню, когда в последний раз их перепрыгивала.

Короче, уличная обувь жителя Нью-Йорка, как правило, сухая и внешне чистая.

«А как же бактерии?» — спросите вы. Ну, от хождения в обуви по дому в Америке еще никто не умер. А может, кстати, и умер. Но я вот пока жива.

Американские туристы приезжают в Европу и испытывают культурный шок. Об этом журналисты пишут все лето. Большинство моментов совпадают с моими собственными наблюдениями.

Во-первых, американцы одержимы водой со льдом (зимой тоже). Они приходят в ресторан где-нибудь в Италии и удивляются, почему им не подали огромный графин ледяной

воды. Часто в европейских ресторанах воду надо просить отдельно или даже покупать. Если просишь лед — тебе кинут несколько кубиков. В Америке лед кладут доверху в любую лимонад или воду, причем даже в эконом-классе самолета.

Еще в США привыкли к кондиционерам и всевозможным вентиляторам. Американцы любят, чтобы в помещении было прямо холодно и откуда-нибудь дуло. В Европе здания не охлаждают до такой степени, люди более терпимы к жаре.

Другой момент, о котором часто говорят журналисты, — это стиль одежды. Этим летом многие европейские рестораны (в Италии, Франции, Испании) разворачивали туристов в коротких шортах, спортивных топах, больше похожих на нижнее белье, и шлепанцах. В Америке, тем более в Нью-Йорке, да и на Юге тоже, многие люди летом ходят в какой-то пляжной одежде.

Я, кстати, сама уже привыкла пить всё со льдом, даже дома. Это пришло не сразу — в детстве мама все время следила за температурой еды и напитков, чтобы у меня не заболело горло. Я до сих пор большой фанат горячего чая даже в тридцатиградусную жару (американцы в шоке). А кондиционеры я по-прежнему не люблю и заболеваю от них. И шлепанцы тоже не ношу — этой вещи вообще нет в моем гардеробе. ❧

седка вообще периодически дремлет в конверсах у себя в спальне. В этом смысле американские фильмы всё правильно показывают, достоверно.

Иногда, очень редко, в гостях все-таки просят снять кроссовки.

Интересно, что будет дальше_